

Энрике Хиль-и-Карраско

ВЛАСТИТЕЛЬ БЕМБИБРЕ

ПОСЛЕДНИЙ ТАМПИЕР ИСПАНИИ

Энрике Хиль-и-Карраско
**Властитель Бембибре.
Последний тамплиер Испании**

«Эдитус»

1844

Хиль-и-Карраско Э.

Властитель Бембибре. Последний тамплиер Испании / Э. Хиль-и-Карраско — «Эдитус», 1844

ISBN 978-5-00149-418-8

«El Senor de Bemibre» – известнейший роман классика испанской литературы Энрике Хиль-и-Карраско. Написанный почти 200 лет назад и впервые переведенный на русский язык «Властитель Бембибре. Последний тамплиер Испании» рассказывает современному читателю о событиях, происходивших в XIV веке, знакомит с историей Испании, помогает понять особенности жизни и обычаи людей далекого Средневековья. Юный рыцарь дон Альваро Яньес, судьба которого тесно связана с Орденом тамплиеров, в борьбе с многочисленными превратностями судьбы пытается добиться руки своей возлюбленной – доньи Беатрис Оссорио, отстаивая при этом справедливость, честь и достоинство. Сражения и плен, коварные интриги и предательство, родительская воля и верность данному слову, церковные узы и рыцарские обеты – множество препятствий стоят на пути к счастью двух молодых людей, с детских лет предназначенных друг другу.

ISBN 978-5-00149-418-8

© Хиль-и-Карраско Э., 1844
© Эдитус, 1844

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Глава I	8
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	22
Глава V	28
Глава VI	31
Глава VII	34
Глава VIII	38
Глава IX	43
Глава X	48
Глава XI	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Энрике Хиль-и-Карраско Властитель Бембибре. Последний тамплиер Испании

Enrique Gil y Carrasco
El Señor de Bembibre

Перевод С. В. Марковой отпечатанного издания: Madrid, Establecimiento Tipográfico de Francisco de Paula y Mellado, 1844.

На обложке: памятник героям романа «Властитель Бембибре» в г. Бембибре, Испания, скульптор Артуро Ногейра, 2014 г.

© Эдитус, 2020

© Перевод. Маркова С. В., 2020

© Под редакцией Абрамичева И. В., 2020

Предисловие к русскому изданию

Энрике Хиль-и-Карраско (1815–1846) – имя, не знакомое русскому читателю, между тем это классик испанской литературы и один из самых заметных писателей-романтиков в жанре исторической прозы. Его стихотворения вошли в золотой фонд испанской поэзии. Романтическая задушевность, меланхолия, отраженное в природе одиночество, разочарование, быстротечность земного существования, ничтожность человеческих усилий – в творчестве Хиль-и-Карраско нашло отражение все то, что великий писатель Мигель Унамуно впоследствии назовет знаменитым испанским «трагическим чувством жизни».

За два года до смерти, уже больной туберкулезом, Хиль-и-Карраско написал потрясающий по силе воздействия, оказавший большое влияние на испанскую литературу, исторический роман «Властитель Бембибре».

И в испанской, и в европейской романтической исторической прозе в то время господствовали традиции Вальтера Скотта. Вслед за английским романистом автор «Властителя Бембибре» синтезирует основные типы исторического романа того периода: хроникальный, авантурный и лирический. Исследователи находят в романе влияние таких произведений Скотта, как «Айвенго», «Талисман» и «Ламмермурская невеста».

Действие романа разворачивается на фоне событий, происходящих в Испании начала XIV в., борьбы за власть и междоусобных войн времен правления Фердинанда IV. В то время как во Франции Филипп Красивый громит орден тамплиеров в стремлении заполучить их богатства, в Испании полным ходом идет Реконкиста и рыцари Ордена все еще являются основной силой в борьбе с маврами, а их крепости – надежным бастионом. Но и здесь над ними гущаются тучи.

Во «Властителе Бембибре» рассказ о разгроме ордена тамплиеров переплетается с повествованием о самоотверженной любви последнего рыцаря ордена Храма – дон Альваро Яньеса. Трагедия отношений юного рыцаря и его возлюбленной, доньи Беатрис, усугубляется притязаниями графа де Лемуса на руку испанской красавицы. Все обстоятельства личной драмы прямо или косвенно вытекают из исторической ситуации, так как дон Альваро и

граф де Лемус не только соперники в любви, но и непримиримые политические противники. Неожиданные повороты сюжета, дробящегося на большое количество эпизодов, динамическая интрига сближают книгу Хиль-и-Карраско с историко-авантюрным романом. Но обилие разнообразных приключений не отвлекает читателя от лирической атмосферы романа. После всех невзгод влюбленные счастливо соединяются, но их ждет еще последнее, самое серьезное испытание.

Стремительно развивающееся действие втягивает в свою орбиту, наряду с основными героями, и многочисленных исторических персонажей. Яркими красками автор описывает особенности жизни и традиции средневековой Испании.

Важнейшим героем романа является и природа Эль-Бьерсо: все события разворачиваются на фоне горных пейзажей, долин и ущелий, величественных замков, сохранившихся и до наших дней, мистических гор Лас-Медулас, чьи терракотовые склоны до сих пор привлекают туристов со всего мира. Среди каштанов и ореховых деревьев и сейчас можно увидеть следы былого величия тамплиеров, а выполненные автором перевода и помещенные в конце настоящего издания современные фотографии тех мест, где происходили события романа, позволят читателю насладиться красотой пейзажей, описанных испанским классиком, на чьих страницах природа вместе с главными героями расцветает, живет и умирает, передавая чувство меланхолии и неотвратимости человеческой судьбы: счастье проходит, остаются лишь руины, и ничто не может нарушить неумолимого течения времени.

И. В. Абрамичев, редактор. С. В. Маркова, автор перевода.

Глава I

В один из майских дней первых лет четырнадцатого века с ярмарки в Сан Маркос де Какабелос возвращались трое, судя по внешнему виду слуг кого-то из знатных сеньоров, что в те времена делили власть в Эль-Бьерсо. Первый, лет пятидесяти шести, ехал верхом на галисийской лошадке из тех, что с виду весьма непримечательны, но в которых за версту видны сила и выносливость, обычно свойственные для занятий охотой, а на его левой, затянутой в перчатку, руке сидел охотничий сокол в клубучке. Рядом с ним, рыская по обеим сторонам дороги, но при этом чутко прислушиваясь к голосу и сигналам хозяина, бежала породистая гончая. Сухопарый, гибкий, с загорелым подвижным лицом – все повадки и движения этого человека указывали на род его занятий. Судя по всему, он был сокольничим.

Вплотную за ним ехал второй, лет тридцати шести, внешне – полная противоположность первому. У него было пухлое, невыразительное лицо в сочетании с массивным и грузным телом, очертания которого, мало грациозные сами по себе, уже начинали расплываться от излишнего жира. Самодовольный вид, с которым он правил своим великолепным андалузским жеребцом, и четкость его движений выдавали в нем объездчика или же конюшего. И, наконец, третьим следовал милovidный юноша, верхом на хорошем боевом коне и одетый чуть более роскошно. Он был в самом расцвете лет, ловкий и сноровистый, с насмешливым выражением лица. Любой, без сомнения, признал бы в нем пажа или оруженосца какого-нибудь знатного сеньора.

Троица вела неторопливую беседу и, как водится среди слуг, обсуждала своих господ, по большей части восхваляя их, но и не забывая разбавлять свои похвалы соответствующей порцией сплетен и пересудов.

– Скажу тебе, Нуньо, – говорил конюший, – что наш хозяин поступает весьма разумно, ибо отдать единственную дочь, наследницу дома де Арганса, за простого идальго, тогда как он может отдать ее замуж за такого могущественного сеньора, как граф де Лемус, было бы верхом глупости. Смотрите, как пришлось отступить сеньору де Бембибре!

– Послушай, дружище, – ответил оруженосец с насмешкой, хотя слова конюшего были предназначены не ему, – разве мой сеньор виноват в том, что горничная твоей молодой госпожи более благосклонна ко мне, чем к тебе, чтобы так враждебно к нему относиться? Если бы ты попросил у Бога больше ума и меньше жира, тогда и Мартина смотрела бы на тебя совсем другими глазами и хозяину не пришлось бы расплачиваться за ошибки слуг.

Широкое лицо конюшего вспыхнуло от негодования, и он, развернув жеребца, пронзил оруженосца гневным взглядом. Тот в свою очередь не остался в долгу и ответил такой усмешкой, что без посредничества сокольничего Нуньо еще неизвестно, к чему привел бы этот разговор, начавшийся так неудачно.

– Мендо, – сказал он конюшему, – ты демонстрируешь неучтивость, говоря в таком тоне о сеньоре Бембибре, достопочтенном дворянине, которого все в этих краях любят и ценят за благородство и отвагу, и потому подвергаешься язвительным насмешкам Миллана, который, несомненно, радуется о чести своего хозяина больше, чем к тому обязывает христианское человеколюбие.

– Я всего лишь хотел сказать, что наш хозяин поступил разумно, не отдав свою дочь дону Альваро Яньесу, которая, *velis nolis*,¹ будет графиней де Лемус и хозяйкой половины Галисии.

– Это не приведет ни к чему хорошему, – заметил рассудительный сокольничий, – учитывая, что донья Беатрис уважает этого графа не больше, чем я какого-нибудь старого, слепого сокола. Хоть граф и превосходит сеньора Бембибре в богатстве, тот оставляет его далеко позади в достоинстве и добродетели, а главное, в благосклонности нашей молодой сеньоры, которая, несомненно, продемонстрировала в своем выборе больше благоразумия, чем ты.

– Сеньор де Арганса, наш хозяин, никому ничем не обязан, – возразил Мендо, – стало быть, дон Альваро может возвращаться туда, откуда приехал, и отправляться искать счастья в другом месте.

– Конечно, наш сеньор не давал ни клятв, ни обещаний, насколько я понимаю. И в этом случае единственное, что он сделал плохого, это то, что он принимал в своем доме дону Альваро, как если бы он был его зятем, и позволял своей дочери общаться с человеком, который всех пленяет своей обходительностью и галантностью и в которого поневоле и влюбилась такая скромная и красивая девушка, как донья Беатрис.

– Как полюбила, так и разлюбит, – ответил упрямый конюший, – к тому же, у нее не останется выбора, как только ее папенька повысит голос, потому как она, бедняжка, милая и покорная, как ангел.

– Ты заблуждаешься, – ответил сокольничий, – я знаком с ней лучше, чем ты, поскольку знаю ее с момента появления на свет, и, хотя она, вероятно, и могла бы отдать жизнь ради благих побуждений, но, если ее неволить и скверно с ней обращаться, только Бог с ней сможет совладать.

– Однако, если рассуждать спокойно и беспристрастно, – сказал Миллан, вмешиваясь в разговор, – что такого сделал тебе мой хозяин, Мендо, что ты проявляешь к нему такую враждебность? Никто кроме тебя, насколько я знаю, не отзывается о нем подобным образом в этих краях.

– Я не питаю к нему неприязни, – ответил Мендо, – и, если бы не появился здесь этот де Лемус, я бы с радостью увидел, как твой господин превратился бы в хозяина в нашем доме. Но что вы хотите, друзья? Для каждого своя рубаха ближе к телу и свои интересы превыше всего. Никто не променяет графа на сеньора.

– Однако мой хозяин, хотя и не граф, но знатен и богат и, вдобавок ко всему, племянник магистра ордена тамплиеров и последователь ордена.

– Отчаянные еретики и колдуны! – воскликнул Мендо.

---

¹ *Velis nolis* (лат.) – волею-неволею.

– Замолчи, несчастный, – сердито бросил через плечо Нуньо, понизив голос. – Если это услышат, тебя распнут на кресте как святого Андрея.

– Не беспокойтесь, – произнес Миллан, от чьего острого слуха не ускользнуло ни одно слово. – Слуги дон Альваро, слава богу, никогда не были доносчиками и не имели таких дурных наклонностей. В конце концов, все те, кто находятся среди рыцарей, стараются во всем походить на них.

– Де Лемус тоже рыцарь и делает немало добрых дел.

– Да, – ответил Миллан, – но только при условии, что есть возможность покрасоваться перед всеми, и немедленно. Но способен ли твой хваленый граф сделать для своего собственного отца то, что дон Альваро сделал для меня?

– Что именно? – хором воскликнули оба его спутника.

– То, что я не забуду никогда в жизни. А дело было так: проезжали мы однажды в жуткую грозу старый мост в Понфerraда, у которого, как вы знаете, нет никаких перил. Ревущие волны катились по реке, словно по морю. Внезапно туча у меня над головой раскололась, и молния ударила прямо перед моей лошадей. Та, ослепленная вспышкой, встала на дыбы, и – бац! не успев опомниться, мы оба ушли с головой под воду. И что бы вы думали сделал дон Альваро? Не уповаая ни на Бога, ни на черта, он вонзил шпоры в своего коня и бросился в реку вслед за мной. Мы оба едва не утонули. В конце концов мою лошадейку унесло вниз по течению, а я, наполовину оглушенный, оказался на берегу, поскольку сеньор был так любезен вытащить меня за волосы. Когда я очухался, я даже не знал, честно сказать, как его благодарить, в горле стоял ком, и я не мог вымолвить ни слова. А он просто улыбнулся и сказал, мол, все в порядке, парень, не стоит благодарности, успокойся и молчи о том, что произошло, иначе все будут считать тебя плохим наездником.

– Потрясающий случай, клянусь жизнью! – воскликнул Мендо с энтузиазмом, который едва ли вязался как с его вялым темпераментом, так и с его предыдущими высказываниями. – Надо же, и не потерял самообладания! Вот это кабальеро!!! Забери меня дьявол, если такой поступок не стоит столько же, сколько лучшее графство Испании! – Однако, – продолжил он, – если бы не великолепный Альманзор, кто знает, что бы могло случиться... Животные – они такие! – продолжил он, нежно похлопывая по шее своего жеребца с почти отеческой гордостью. – А скажи, Миллан, с твоей-то лошадейкой что было в итоге? Утонула бедняжка?

– Нет, – ответил Миллан, – она выбралась на берег далеко ниже по течению, и там ее подобрал мавр, раб из храма, направлявшийся в Пахарель за дровами. Бедное животное было так покалечено, что не могло оправиться еще месяца три.

Так, болтая о том о сем, они прибыли в городок Арганса и спешили в родовом поместье своего хозяина, славного дон Алонсо Оссорио.

Глава II

Благодаря словоохотливости слуг наши читатели, вероятно, уже догадались, в какой ситуации в те времена находились семья де Арганса и сеньор де Бембибре. Однако, поскольку эти сведения весьма разрозненны и могут увести читателей от истинной сути происходящего, необходимо добавить новые, на наш взгляд, существенные подробности, чтобы прояснить ход событий этой печальной истории.

У дона Алонсо Оссорио, сеньора де Арганса, было двое сыновей и дочь; однако один сын умер еще в отрочестве, а второй погиб в первой же своей военной кампании, достойно сражаясь с маврами в Андалусии. Таким образом, все свои надежды дон возлагал на дочь, донью Беатрис, в которой, несмотря на ее юный возраст, уже проявились как невероятная красота, так и талантливая и благородная натура. В ее характере соединились энергия, что отличала ее отца, с нежностью и меланхолией ее матери, доньи Бланки де Бальбоа, чья жизнь была постоянным и убедительным примером доброты, смирения и христианского благочестия. Хотя после ранней потери двух сыновей, ее здоровье, и без того довольно хрупкое, к сожалению, вконец разрушилось, тем не менее это не помешало ей в кропотливом воспитании ее дочери использовать свою образованность, мало распространенную в те времена, возвращая семена тех способностей, которыми природа щедро наградила ее дочь. Не уповая на то, что ее малышка и так красива и любима всеми, она окружила ее нежностью, возложив на нее все свои чаяния и несбывшиеся мечты о будущем. Так и росла донья Беатрис – как лилия, изящная и благоухающая, в тепле материнской заботы и под защитой имени и могущества отца, окруженная со всех сторон уважением и любовью вассалов, которые видели в ней залог облегчения своих невзгод и неизменный источник благоденствий.

Между тем, как обычно, годы шли быстро, и с ними пролетело детство этой девушки, такой знатной, привлекательной и богатой. По этой причине ее отец уже задумался о выборе для нее достойного и добродетельного мужа из своего круга. В те времена в Бьерсо существовало только два дома, равных по своему положению и числу вассалов. Один – род де Арганса, другой – древний род Яньесов, чьи владения охватывали плодородную пойму реки Бембибре

и большую часть близлежащих гор. Этот род дал двух магистров ордену тамплиеров и был весьма почитаем и уважаем в этих краях. В те бурные времена, по странному совпадению, как фамилия Оссорио зависела от хрупкого существования одной женщины, так и надежды рода Яньесов были связаны с единственным мужчиной, не менее хрупким и уязвимым. Дон Альваро Яньес и его дядя, дон Родриго, магистр ордена тамплиеров в Кастилии, остались единственными представителями этого знаменитого и когда-то многочисленного рода. Один, вследствие своего возраста и данного им обета, был засыхающей и бесплодной ветвью некогда могучего семейного древа, а вот другой – молодой побег, цветущий и жизнерадостный, дарил надежду на продолжение жизни и новые ростки. Дон Альваро потерял в детстве своих родителей, и его дядя, в те времена еще командор ордена, воспитал его настоящим рыцарем, с удовлетворением отмечая, как его старания увенчались блистательным успехом. Первая военная кампания молодого рыцаря прошла в Андалусии, под руководством дона Алонсо Переса де Гусмана, где его деяния принесли ему отличную репутацию, в первую очередь благодаря усилиям по спасению инфанта дона Энрике из рук мавров. Впрочем, мнение, которое, по словам наших знакомцев из предыдущей главы, сложилось о нем в тех краях, а также личные качества, о которых поведал его оруженосец, вероятно, гораздо лучше демонстрируют его рыцарский и великодушный характер, чем наши слова.

Казалось бы, по этим причинам само небо переплетает судьбы этих двух молодых людей. Тем не менее нужно признать, что дону Алонсо пришлось преодолеть сильное внутреннее сопротивление, чтобы принять подобное решение. Тесные связи семейства Яньес с орденом тамплиеров могли тысячу раз расстроить этот союз, который должен был привести к укреплению могущества двух прославленных семей и счастьем двух всеми уважаемых персон.

В те годы тамплиеры достигли вершин богатства и подошли к началу своего крушения, а их гордыня для большинства независимых сеньоров была поистине невыносима. Де Арганса тоже не единожды испытывал это чувство и молча кипел от гнева, поскольку орден, владелец всех крепостей в королевстве, мог безнаказанно насмехаться над всеми. Со временем негодование переросло в ненависть к этому воинству, сколь отважному, столь же и неудачливому. К счастью, возвышение дона Родриго Яньеса до магистра провинции, а также его сдержанный и благоразумный характер обуздал излишнюю дерзость некоторых рыцарей, и ему удалось наладить отношения со многими недовольными соседними сеньорами. В их числе был сеньор де Арганса, который не мог устоять перед учтивостью и деликатностью поведения магистра, и, так и не примирившись целиком и полностью с орденом, свел искреннюю дружбу с доном Родриго. Ее скреплял замысел породниться домами, хотя сеньор де Арганса не мог унять тревогу, которую вызывала мысль о том, что однажды обязанности вассала могут заставить его бороться против ордена, уже ставшего объектом ревности и зависти, а этот союз не позволит ему отречься от доброго имени его будущего зятя. В любом случае, сила храмовников и слабость королевской власти, казалось, отодвигали это обстоятельство на неопределенное время, и казалось бессмысленным приносить в жертву этим опасениям доброе имя своей семьи и счастье своей дочери.

Однако, как бы ни стремились дон Алонсо и магистр, чтобы этот брачный союз осуществился как можно скорее, донья Бланка, чье сердце было преисполнено нежности и любви, не хотела оставлять свою единственную дочь в руках недостаточно известного ей мужчины. Она искренне верила, что взаимное знакомство характеров и гармония чувств является лучшей гарантией счастья и мира в доме, нежели любые имущественные соображения и финансовые расчеты. Донья Бланка достаточно натерпелась от сурового и жестокого характера своего мужа и страстно желала оградить свою дочь от тех печалей, которые причинили ей самой столько огорчений. Поэтому, непрерывно умоляя своего супруга, она в конце концов добилась того, что оба молодых познакомятся и будут встречаться, не зная участи, им предназначенной. Пагубная заботливость, сколько горьких минут она приготовила всем!

Это положило начало той любви, прекрасный рассвет которой в скором времени сменится днем пасмурным и тоскливым. Во Франции уже начала зарождаться та самая буря, которая в конце концов смела прославленное рыцарство ордена. Ровно такие же тучи показались и на горизонте Испании, и тогда опасения сеньора де Арганса вновь проснулись с невероятной силой. Он прекрасно знал, что дон Альваро не способен бросить в беде тех, кто в удаче был ему другом, и, судя по тому, какой оборот принимал этот шумный процесс, было весьма вероятно, что его семья, изуродованная гражданской войной, будет представлять собой жалкое зрелище. К этим соображениям, которые пока еще не имели под собой реальных оснований, добавилось еще одно, к несчастью более весомое, но при этом полностью противоречащее благородству, которое до того времени проявлялось в других делах дон Алонсо. Граф де Лемус попросил руки доньи Беатрис через инфанта дон Хуана, дядю короля Фердинанда IV, с которым дон Алонсо связывали отношения долга и дружбы еще со времен его скоротечного правления в Леоне. Сосредоточившись на стремлении породниться с таким богатым и могущественным родом, он забыл о своих договоренностях с магистром и не колебался в намерении принудить, в случае необходимости, свою дочь к достижению этой цели.

Таковым было положение дел на тот день, когда слуги дон Алонсо и оруженосец дон Альваро возвращались с ярмарки в Какабелосе. Сеньор де Бембибре и донья Беатрис между тем сидели у стрельчатого окна, распахнутого по причине прекрасной погоды и открывавшего вид на роскошное убранство комнаты. У доньи Беатрис была красивая, стройная фигура, невероятной чистоты греческий профиль, а белизна ее кожи оттенялась черными глазами и волосами. Выражение ее лица демонстрировало ангельскую кротость, но при этом в очертаниях ее губ и лба, любой, даже самый посредственный наблюдатель, обнаружил бы признаки характера страстного и энергичного. Даже когда она сидела, в ее движениях угадывались грация, величие и чувство собственного достоинства, а богатое, расшитое яркими цветами платье, что было на ней, подчеркивало ее природную красоту.

Дон Альваро был загорелым шатеном с карими глазами, высоким и мужественным. У него было открытое благородное лицо с восхитительно правильными чертами и пронизательный взгляд, а в манерах его были заметны непринужденность и достоинство одновременно. Он носил золотые шпоры и шпагу с богато украшенным эфесом, а висевший на шее охотничий рог, изящно инкрустированный серебром, выделялся на фоне его превосходного темного плаща, отороченного меховой опушкой. Одним словом, он был одним из тех мужчин, которые во всем демонстрируют украшающее их достоинство и невольно привлекают внимание и симпатии тех, кто на них обращает взор. Солнце садилось за горами, что отделяют Бьерсо от Галисии, подсвечивая их сияющим ореолом, что необычно контрастировало с темными силуэтами гор. Облака изменчивых причудливых форм были рассеяны тут и там по прекрасному прозрачному небу, переливаясь всевозможными цветами в лучах заходящего солнца. В саду у дома уже цвели кусты роз и большая часть фруктовых деревьев, и легкий ветер доносил их чарующий аромат. Щеглы и соловьи мелодично пересвистывались, и трудно было представить себе более восхитительный вечер. И право, вряд ли кто-либо мог поверить, что в подобных декорациях будет разыграна сцена, столь печальная.

Взор доньи Беатрис, затуманенный слезами, блуждал то по отблескам заката, то по деревьям в саду, то опускался вниз. Дон Альваро, неотрывно глядя на нее, с тоской ловил каждое ее движение. Оба пребывали в мучительном замешательстве, не решаясь нарушить тишину. Они были влюблены со всей глубиной нового чувства, хрупкого и великодушного, но никогда не признавались в этом друг другу. Истинная любовь всегда целомудренна и сдержанна, будто слова могут лишить ее сияния и чистоты. Именно это и случилось с доном Альваро и доньей Беатрис, которые, увлеченные своим счастьем, никогда не думали заговорить о любви вслух и признаться в своих чувствах друг к другу. Однако счастье будто уходило вместе с солнцем, что

уже скрывалось за горизонтом, и пришла пора перестать смотреть на мир сквозь обманчивую призму, через которую жизнь прежде казалась им райским садом.

Дон Альваро, что было естественно, заговорил первым.

– Скажите, сеньора, – глухо спросил он с тоской в голосе, – как понять отчуждение вашего отца и моего сеньора ко мне? Правда ли то, что предчувствует мое сердце с тех пор, как поползли определенные ядовитые слухи по поводу графа де Лемуса? Неужели, неужели они думают разлучить нас? – продолжил он, порывисто вскочив на ноги.

Донья Беатрис опустила глаза и ничего не ответила.

– Ах, так это правда? – продолжил огорченный кабальеро. – И к тому же, – добавил он дрожащим голосом, – они решили нанести мне удар вашей рукой?

Повисла еще одна пауза, затем донья Беатрис подняла глаза, полные слез, и сказала нежным голосом, преисполненным боли и тоски:

– Да, это правда.

– Послушайте меня, донья Беатрис, – сказал он, пытаясь успокоиться, – вы еще не знаете, ни как я люблю вас, ни до какой степени вы покорили мое сердце и подчинили мою душу. До сих пор я никогда не говорил вам об этом... Да и нужны ли слова, если тон моего голоса, мои глаза, мои жесты выдают меня непрерывно? Я жил без семьи, один во всем мире, и это горячее сердце не знало ни материнских ласк, ни тепла домашнего очага. Как пилигрим, я пересекал пустыню моей жизни, но, когда увидел вас, вы стали святилищем, к которому я направил свои неуверенные шаги, мечтая, чтобы мои страдания были бы в тысячу раз больше, чтобы дотянуться до вас, столь чистой и совершенной. Сейчас я вижу, что был чрезмерно тщеславен в своем стремлении возвыситься до вас, ангела света. Но кто, кто, Беатрис, вас полюбит больше чем я в целом мире?

– Ах, никто, никто! – рвущим душу голосом воскликнула донья Беатрис, заламывая руки.

– И, тем не менее, нас разлучают! – продолжил дон Альваро. – Я всегда буду уважать вашего отца. Никто не прославил бы его дом больше, чем я, поскольку с тех пор, как я вас полюбил, в душе моей появились новые силы, и вся слава и власть на земле мне кажется недостаточной, чтобы сложить ее у ваших ног. О, Беатрис, Беатрис! Когда я возвращался из Андалусии, почитаемый и превозносимый самыми знатными рыцарями, я обожал славу, поскольку тайный голос, казалось, мне шептал, что однажды смогу украсить вас ее лучами, но без вас, света моей жизни, я низвергнут в пропасть отчаяния, и, кажется, само небо отвернулось от меня.

– О, Боже, – прошептала донья Беатрис, – и чем теперь обернутся все эти мечты о счастье и милые сердцу радости?

– Беатрис! – воскликнул дон Альваро. – Если вы меня любите, и ради вашего собственного покоя, поймите, вам нельзя давать согласие на эти оковы, которые станут гибелью для меня, а, возможно, и для вас.

– Вы правы, – ответила она, прилагая усилия, чтобы успокоиться. – Я не соглашусь надеть эти оковы, а сейчас, ради вашего счастья, я вам скажу как на духу то, что Бог читает в моем сердце, я вам открою его секрет. Если я не смогу назвать вас мужем перед алтарем и перед моим отцом, лучше я умру невестой христовой, но никто никогда не скажет, что единственная дочь дома де Арганса запятнала неповиновением имя, которое унаследовала.

– Но если отец вынудит вас дать согласие на этот брак?

– Вы его плохо знаете, мой отец в отношении меня никогда не использовал принуждение.

– Чистая и невинная душа! Вы не знаете, до чего могут довести людские амбиции. И если бы отец вам приказал, что бы вы могли ему противопоставить?

– Перед всем миром я бы сказала: нет!

– И у вас бы хватило мужества противостоять возможному скандалу и обиде вашей семьи?

Потрясенная донья Беатрис обвела комнату блуждающим взглядом, но тут же взяла себя в руки и ответила:

– Я попросила бы помощи у Всевышнего, и он дал бы мне сил, но, повторяю, я буду принадлежать только вам или Ему.

Выражение, с которым были произнесены эти короткие слова, демонстрировали ее решимость и то, что нет таких человеческих сил, чтобы свернуть ее с пути. Дон Альваро несколько мгновений в восхищении смотрел на нее и в конце концов воскликнул:

– Я всегда обожал и почитал вас, сеньора, как создание неземное, но до сегодняшнего дня я не знал того божественного сокровища, которое в вас таится. Потерять вас сейчас, это как спуститься с небес, чтобы влачить существование среди людского убожества. Моя вера в вас так же слепа и безгранична, как вера в Бога в часы невзгод.

– Смотрите, – ответила она, указывая на закат, – солнце зашло, и нам пора прощаться. Езжайте с миром и уверенностью, дон Альваро, что даже если они смогут разлучить нас, будет не так просто подчинить мою волю.

На этом кабальеро откланялся, молча поцеловал ее руку и медленно направился к выходу. Дойдя до двери, он обернулся, их глаза встретились, чтобы обменяться долгим, мучительным взглядом, который, возможно, мог стать последним. Дон Альваро быстро спустился во двор, где верный Миллан уже держал под уздцы знаменитого Альманзора. Вскочив в седло, он стремительно покинул дом, в котором, думая только о нем, безутешная девушка, несмотря на все свои усилия, разразилась горькими слезами.

Глава III

Когда дон Альваро покинул усадьбу де Арганса, в водовороте чувств, бурлящих в его душе, было одно, совпадающее с его досадой и горечью и потому пересиливающее все остальные. Это было желание вызвать на смертельный поединок графа де Лемуса, устранив тем самым самое сильное препятствие, стоящее между ним и доньей Беатрис. В тот день он остановился в Какабелосе с намерением провести там ночь, таким образом обозначив свои замыслы. Однако его верный оруженосец, увидев что-то вспыхнувшее в глазах хозяина, по его быстрым, резким движениям и порывистой речи догадался, каковы могли быть его намерения после давешней беседы, смысл которой не укрылся от его проницательности. Довольно громко Миллан сказал:

– Сеньор, графа нет в Какабелосе, потому что вечером, перед моим отъездом, приехал гонец от короля и де Лемусу передали депешу, которая заставила его спешно уехать.

Дон Альваро в возбуждении, в котором он находился, не мог сдержать досаду от того, что верный Миллан проник в его тайные мысли и, повернувшись к нему, сказал:

– Кто позволил тебе, грубиян, вмешиваться в замыслы своего сеньора?

Миллан молча стерпел раздражение дона Альваро, а тот, как бы разговаривая сам с собой, продолжил:

– Да, да, гонец от короля... и выехал потом с поспешностью в Галисию.... Несомненно, зреет дьявольский заговор. Миллан, поезжай рядом, – тут же сказал он совершенно другим тоном:

– Мне уже нечего делать в Какабелосе, и эту ночь мы проведем в замке Понферрада, – сказал он, разворачивая лошадь, – а пока мы едем, я хочу, чтобы ты рассказал, что за слухи ходили на ярмарке по поводу рыцарей-тамплиеров.

– Странные, сеньор, клянусь жизнью! – ответил оруженосец, – говорят, что они творят ужасные вещи и совершают языческие обряды, что во Франции папа уже предал их анафеме, их арестовывают и собираются покарать. И если все, что люди говорят – правда, это было

бы правильно, поскольку все это больше похоже на то, что творят евреи и язычники, чем на поступки христианских рыцарей.

– Однако о каких поступках идет речь?

– Говорят, они поклоняются какому-то коту и молятся ему как Богу, богохульствуют, совершают множество непристойных поступков, они делают золото благодаря сделке с дьяволом и потому так разбогатели. Но все это люди говорят шепотом и с оглядкой, поскольку все боятся ордена больше чем злого духа.

Вслед за этим оруженосец начал перечислять все те площадные небылицы, которые в те простодушные и невежественные времена изобретали, чтобы подорвать авторитет и могущество Ордена, и они уже начали приносить такие чудовищные и жестокие результаты во Франции. Дон Альваро, собираясь узнать что-то новое в таком запутанном деле, сначала слушал с живым вниманием, но спустя некоторое время вернулся к своим мыслям и бросил болтать с Милланом, который, несмотря на свой здравый ум и проницательность, не был лишен обычного невежества и предрассудков. Только достигнув моста над рекой Силь, который из-за многочисленных железных опор, как отмечено в старинных летописях, возможно, и дал название городку Понферрада, он строго предупредил Миллана, чтобы впредь тот относился с большей учтивостью как на словах, так и в мыслях к ордену, с которым у него самого столько дружественных связей, и уж тем более не распространял сплетни злобного и невежественного простонародья. Оруженосец поторопился заверить дону Альваро, что он пересказал всего лишь то, что слышал, но сам ничему этому не верит, поскольку все наветы не подкреплены никакими достоверными доказательствами. Так они подъехали к бойницам крепости.

Дон Альваро протрубил в свой рог, и после обычных формальностей, ибо охрана крепости несла службу со строжайшей дисциплиной, ворота открылись, подъемный мост опустился, и хозяин с оруженосцем въехали на Оружейную площадь.

Даже сейчас эта крепость хранит свое величие, несмотря на то что в наши дни мы видим лишь остатки былого величия. Ее конструкция не совсем обычна, поскольку к древнему форту, массивному и основательному, тамплиеры пристроили более современные фортификационные сооружения, в которых надежность и изящество идут рука об руку. Вследствие этого, она, конечно же, лишилась своей гармонии, но ее ансамбль до сих пор выглядит привлекательно и колоритно. Она располагается на живописном холме, с которого обозреваются весь Бьерсо в его бесконечном разнообразии и река Силь, сбегаящая к подножию холма, чтобы чуть ниже, словно отдавая дань уважения, соединиться с Бозсой.

Крепость тамплиеров в г. Понферрада, Эль-Бьерсо, провинция Леон, XII век. Фото 2019 г.

Макет крепости Понферрада. Фото 2019 г.

Сейчас уж не осталось следов того могущества тамплиеров, что священными письмами высечено в камне, символов их ритуалов, церемоний и знаменитого креста, грозы неверных; рассеяно все здесь и там в тех мощных стенах. Но в те времена, о которых идет речь, крепость представляла собой прекрасный образец власти и могущества своих владельцев. Дон Альваро оставил своего коня в руках рабов-африканцев и, сопровождаемый двумя кандидатами в рыцари, поднялся в главный зал. Это была великолепная комната, выстланная восточными коврами, с потолком и стенами, украшенными в шахматном порядке алым и золотым, и с узорчатыми окнами. Как диковинная шкатулка, она была украшена со всей роскошью, приличествующей светскому и духовному главе столь богатого и известного ордена. Кандидаты оставили кабальеро у двери, и, после привычного благословения, стражник, который нес охрану в прихожей, ввел его в комнату дяди. Это был почтенный старик, высокий и сухопарый, с седыми волосами и бородой. Его аскетичное и сосредоточенное выражение лица смягчалось невероятным добродушием. Он уже начинал сутулиться под грузом прожитых лет, но было заметно, что бодрость еще не покинула его тело, привычное к военным тяготам и закаленное постами и ночными бдениями. Одет он был в белое монашеское одеяние храмовника и внешне практически не отличался от простого рыцаря. Удар, который угрожал ордену, и те неприятности, которые возникли у любимого племянника и удручали последнего отпрыска его рода, легли тенью грусти на его чело и придали его выражению лица еще больший налет серьезности. Магистр, выйдя навстречу дону Альваро, обнял его чуть более растроганно, чем обычно, и провел его в некое подобие кельи, в которой обычно находился. Ее обстановка и убранство являли собой образец аскетизма и бедности, как было при Гуго де Пейне и его сподвижниках во времена создания ордена, красноречивой эмблемой которого не зря были два рыцаря на одном коне. Дон Родриго как в силу своей должности, так и в силу исключительной бережливости своего характера мог быть прекрасным примером скромности и смирения. Они присели на деревянные стулья, стоявшие у грубо сколоченного орехового стола, на котором горела массивная бронзовая лампа. Дон Альваро подробно рассказал старику обо всем случившемся, что тот и выслушал с большим вниманием.

Крепость тамплиеров в г. Понферрада, Эль-Бьерсо, провинция Леон, XII век. Фото 2019 г.

– Во всем этом, – наконец ответил он, – я вижу руку, которая обезглавила сына Гусмана под стенами Тарифы на глазах у его отца. Граф де Лемус связан с ним и другими сеньорами, которые мечтают о разгроме ордена, чтобы поживиться на его останках. Они опасаются, что твой брачный союз с сеньорой, столь богатой землями и вассалами, укрепит наши силы в королевстве, и так уже внушающие им страх. Польстив честолюбию дон Алонсо, они использовали все низменные средства, чтобы разделить нас. Бедная донья Беатрис! – добавил он печально. – Кто бы сказал ее благочестивой матери, когда она растила с таким усердием и заботой свою дочь, что та должна будет стать наградой в таком подлом заговоре.

– Но, сеньор, – продолжил дон Альваро, – вы думаете, что сеньор де Арганса останется глух к голосу совести и чести?

– Сын мой, – ответил храмовник. – Тщеславие и амбиции иссушают родники души, и отдаляется человек от Господа, дающего истинное благородство и добродетель.

– И между вами не было никакого официального соглашения?

– Никакого. Видно, такова уж твоя нелегкая судьба, дон Альваро, иначе не случилось бы того, что донья Бланка, которая ценила тебя так высоко, сейчас стала причиной твоих страданий. Сначала она сопротивлялась вашему союзу, поскольку хотела, чтобы ее дочь познакомилась с тобой поближе до того, как отдать свою руку и сердце. И дон Алонсо, впервые смирив свой заносчивый характер, уступил просьбам своей жены. Поэтому, несмотря на то что совесть и обязывает его, мы, со своей стороны, ничего не сможем сделать, чтобы заставить его сдержать обещание.

– Другими словами! – воскликнул Дон Альваро. – Мне не остается иного пути, чем тот, который указывает мое отчаяние.

– Тебе остается вера в Бога и в свое собственное доброе имя, этого у тебя никто не отнимет, – ответил магистр сурово, хотя в голосе его проскользнули нотки нежности. К тому же, – добавил он спокойно, – остались еще человеческие средства, которые в состоянии свернуть дон Алонсо с того губительного пути, по которому он хочет направить свою дочь. Я бы, возможно, не сказал об этом последнем средстве, потому что, несмотря на мою осмотрительность, это может еще больше обострить ненависть к нашему благородному ордену. Завтра ты поедешь в Карраседо и передашь от моего имени письмо аббату. Его духовное звание может как-то повлиять на высокомерность сеньора де Арганса, и, надеюсь, если я попрошу, он не откажет в помощи своему брату. И мой, и его орден зародились в лоне учения святого Бернарда, получив

свои первые заветы от святости его сердца. Сколько лет мы сражаемся под знаменем Христа в поисках царства, которого не было в этом мире.

Дон Альваро немного смутился, увидев, что в эгоизме своего горя он забыл о тревогах и невзгодах, которые, словно терновый венец, окружали эту седую, почтенную голову. Тогда он начал рассказывать о ходивших слухах, старик, опираясь на его плечо, спустился по лестнице, они дошли до Оружейной площади и, двигаясь вдоль стены, вышли к реке.

Ночь была тихой, и луна светила посреди синего безоблачного неба. Оружие караульных вспыхивало в ее лучах, отбрасывая живые отблески при движении. Река с приглушенным гулом серебряной лентой сбегала к подножию холма. Лес и горы проступали смутными очертаниями, как обычно бывает при лунном свете. Все располагало к меланхолии, зерна которой есть в глубине каждой благородной души. Магистр сел на одно из каменных сидений, расположенных у зубцов башни, а его племянник занял место напротив.

– Ты, наверное, думаешь, сын мой, – сказал он, – что могущество тамплиеров, у которых больше двадцати четырех командорств в Кастилии, не говоря уж о других менее важных крепостях, а в Арагоне – целые города, да и по всей Европе более чем девять тысяч домов и крепостей, чрезмерно велико. И что именно это породило ту гордыню и высокомерие, обвинение в которых им теперь и бросают в лицо.

– Да, так я и думаю, – ответил племянник.

– Так думают большинство из наших, – ответил магистр, – чувство превосходства обуяло нас. Чувство превосходства, которое погубило первого человека и которое еще погубит столько его сыновей. В Палестине мы заплатились за свое презрение и тщеславие завистью остальных и в результате потеряли ее – нашу отчизну, нашу единственную истинную родину. О, Иерусалим, Иерусалим! Священный город! Утешение для всех на земле! – воскликнул он высокопарно. – В тебе остались все силы наших защитников, а оставив Сен-Жан д'Акр, мы испустили последний вздох. С тех пор мы скитаемся по Европе, окруженные могущественными врагами, что зарятся на наши владения, утратив наши изначальные принципы смирения и скромности. Весь мир ополчился против нас, и даже папская тиара, которая всегда служила нам щитом, кажется, склонилась на сторону наших врагов. Наши братья уже стонут в застенках Филиппа, и Бог знает, какой конец их ждет, спаси их, Господи! – воскликнул он громовым голосом. – Там они застали нас врасплох, но и здесь, и в других частях мира они увидят нас готовыми к бою. Папа может распустить наше братство, рассеять нас по всему свету, как народ Израилев, но, чтобы осудить нас, они должны будут нас выслушать, и храмовники не пойдут на казнь под палкой, беззащитные как стадо баранов.

Глаза магистра, казалось, метали молнии, а лицо оживилось пылкостью и энергией, которую никто и не предполагал увидеть в его преклонные годы.

Орден был притягательным магнитом для любого пылкого воображения своей таинственной организацией и сильным, сплоченным духом, который укреплял тело и ободрял его рыцарей. За этим могущественным и единым братством было сложно разглядеть нечто большее, чем нерушимую силу и мужество, особенно для неопытной юности, поскольку в этом возрасте все верят только в свою отвагу и силу воли, вот почему дон Альваро и не мог отреагировать иначе как:

– Дядя, вы думаете, что есть награда, уготованная Всевышним в этой двухвековой битве, что ведется в честь его имени? Так далеко от вашего дома, как только можно представить?

– Мы – те, – ответил старик, – кто не отвернется от Него, и потому мы превратились в яблоко раздора и осуждения. А я, – продолжил он с горечью, – умру вдали от своих, не заслонив их щитом моей власти, и венцом моих последних дней будут одиночество и изгнание. На все воля Божия, но все, кому уготована участь тамплиера, погибнут так же, как и жили, верные отваге и далекие от недостойной их слабости.

В это время колокол в крепости возвестил время общего сбора. Его мрачное и меланхолическое звучание, разливаясь в тишине и дробясь о скалы, затихло вдалеке, смешав свой рокот с протяжным гулом реки.

– Час последней молитвы и покоя, – сказал магистр. – Иди, собирайся и подготовься к завтрашнему путешествию. Наверное, я позволил тебе увидеть чрезмерную слабость, что таится в этом старческом сердце, но Иисус тоже скорбел перед своей кончиной и сказал: «Отец мой, если это возможно, да минует меня чаша сия!». Впрочем, не зря я магистр и духовный отец всех рыцарей храма в Кастилии. В час испытаний ничто не ослабит мой дух.

Дон Альваро проводил своего дядю в его апартаменты. И, поцеловав его руку, направился к себе, где после стольких тревог его наконец сморил сон, наполненный странными сценами и впечатлениями этого дня.

Глава IV

Рыцарство Храма Соломона было рождено в пламени крестовых походов, а самопожертвование и скромность, которые им предписывал устав, продиктованный энтузиазмом и горячим рвением Святого Бернарда, заслужили уважение и одобрение всего мира. Воистину тамплиеры были вечным живым символом той благородной идеи, что обратила к Гробу Господню взоры и сердца всего христианского мира. В своей войне с неверными они не давали передышки ни себе, ни им и никогда не обращались в бегство даже перед заведомо превосходящими силами врага, словно были они несметным рыцарским воинством, что погибает на поле битвы. Высадившись в Азии, паломники и воины-новобранцы обнаруживали там знамя Храма, под защитой которого доходили они до Иерусалима, избегая опасностей столь рискованного пути. Для храмовников были одинаково недоступны как покой монаха, так и мирская слава и воинские почести, и вся их жизнь была соткана из усталости и самопожертвования. Европа, оценив по достоинству заслуги ордена, в котором изначально было столько же героев, сколько и воинов, стала осыпать их почестями, привилегиями и богатствами, что сделало их влияние могущественным и устрашающим, поскольку размер их владений, как упоминал дон Родриго, достиг девяти тысяч подворий с соответствующим количеством рыцарей и других вооруженных людей.

Как бы то ни было, все неизбежно разрушает время. Богатство, что сделало высокомерными скромных, хрупкость человеческой природы, что, в конце концов, устала от нечеловеческих усилий, ожесточение, вызванное неудачами в Святой земле, взаимные раздоры с госпитальерами ордена Святого Иоанна со временем запятнали страницы истории тамплиеров, столь чистые и сияющие вначале. Падение с той высоты, на которую подвиги и достоинства вознесли их, было сильным и болезненным. С потерей Сен-Жан д'Акр угасло пламя крестовых походов, чей огонь привел тамплиеров к росту и процветанию, и звезда рыцарей Храма начала меркнуть. Воспоминания о своих ошибках, зависть, которую вызывало их богатство, да опасения, которые внушало их могущество, вот и все, что привезли они из Палестины, родины, их

усыновившей и породившей их славу. Возвращение в старую Европу для душ, привыкших к грохоту войны и бесконечной суете военного лагеря, стало ссылкой в глушь и пустыню.

Справедливости ради надо сказать, что опасения монархов были небезосновательны, и ярким тому примером были тевтонские рыцари, которые, вернувшись в Пруссию с гораздо меньшими силами и не столь многочисленным войском, как у тамплиеров, тут же образовали государство, чья слава и мощь продолжает расти и в наши дни. Несомненно, они уступали в количестве, но их гордый и решительный дух, сильная и сплоченная организация, военный опыт и рыцарская конница с лихвой компенсировали численное преимущество медленных и неповоротливых войск, что могла им противопоставить феодальная Европа.

Филипп Красивый, король Франции, представляя себе все эти риски, в качестве политической меры их предотвращения стремился получить контроль над орденом, который до сих пор носил заморское имя. Полученный им отпор², наряду с алчностью, которую пробудил в нем вид богатств тамплиеров в те дни, когда они оказывали ему поддержку против народных волнений³, подтолкнули мстительную душу короля на те чудовищные преследования, которые навсегда останутся несмываемым пятном на его репутации. Папа римский, который являлся единственным органом правосудия для церковной организации и должен был противостоять незаконному вмешательству светской власти, не осмелился выступить против короля Франции, напуганный заточением своего предшественника Бонифация, отречения которого столь яростно добивался Филипп, в своей собственной резиденции на церковном соборе⁴.

Вот почему многие, особенно среди церковников, видевших, как слабо глава церкви защищает дело тамплиеров, склонялись к худшему. Как обычно бывает, гнусные и чудовищные наветы Филиппа с каждым днем приобретали все больше популярности и обрастали новыми подробностями среди суеверной и кровожадной черни.

Несмотря на то, что продолжающаяся война с сарацинами еще как-то поддерживала в испанских храмовниках строгость и безупречность нравов, своим существованием обеспечивая их делом доблестным и благородным, которого были лишены тамплиеры во Франции, недостатки, последовавшие за изменением устава ордена⁵, не остались незамеченными и на нашей родине. Кроме того, храмовники были орденом иностранным, чья штаб-квартира находилась в дальних краях, в то время как возрастали слава и репутация таких орденов, как Калатрава, Алкантара, Сантьяго, стихийные побег которых проросли на местной почве испанского рыцарства и могли восполнить пустоту, оставленную их братьями в отрядах христиан. Таким образом, орден Храма проигрывал в сравнении с остальными, а зная тесные связи в братстве, трудно было остаться в стороне от обвинений французского двора. Конечно, тамплиеры в Испании были чуть более уважаемы и чуть менее ненавидимы, чем в других странах. Но при этом они не переставали быть объектом зависти и алчности для сильных мира сего и неприязни со стороны простонародья, теряя могущество и влияние на фоне той нравственной заразы, которая разъедала орден изнутри.

Эти рассуждения, которыми мы рискуем утомить наших читателей, объясняя стремительный взлет и внезапное падение ордена тамплиеров, также неоднократно приходили на ум рассудительному магистру Кастилии. Они-то и были причиной меланхолии и тяжких раздумий, о которых мы упоминали, хотя большинство его подчиненных объясняли его состояние

---

² Филипп IV подавал прошение о принятии его в почетные рыцари Храма, но Великий магистр Жак де Моле, полагая, что король стремится стать со временем Великим магистром и получить доступ к казне ордена, прошение отклонил. *Здесь и далее прим. переводчика.*

³ «Монетный бунт» в Париже 1306 г., во время которого король укрывался в командорстве ордена.

⁴ Советник Филиппа IV Гийом Ногарэ захватил в плен Бонифация в его резиденции в Ананьи 7 октября 1303 г., вынуждая отречься его от папства. Через несколько дней горожане его освободили, папа уехал в Рим и там вскоре скончался.

⁵ Изменения 1230 г. и 1260 г., сделавшие необязательным испытательный срок при посвящении в тамплиеры, а также разрешившие вступать в орден рыцарям, отлученным от церкви, привлекли в орден много случайных и недостойных людей.

той глубокой набожностью, которая всегда отличала магистра. Дон Альваро, более горячий и легкомысленный, как мы уже демонстрировали, не смог понять причин уныния такого умного и отважного человека, как его дядя, поэтому, немного приободрившись в своих тревогах и не задумываясь о рисках, что угрожали его доблестным союзникам, на следующий день он уже был на пути в Карраседо. От предстоящей беседы с настоятелем зависели самые светлые надежды его жизни, поскольку аббат, как духовник семьи Арганса, имел большое влияние на главу семьи. С другой стороны, его светская власть давала немало преимуществ и также заслуживала уважения. Кроме командорства Понферрада, никто не мог ни сравниться богатством, ни распоряжаться большим количеством вассалов, чем этот знаменитый монастырь.

Монастырь Санта Мария де Карраседо, Эль-Бьерсо, провинция Леон, X в. Фото 2019 г.

Сосредоточенный и молчаливый дон Альваро ехал, не обращая внимания на приятный для глаз пейзаж, что разворачивался вокруг в первых лучах майского солнца, то ли из-за привычки самого пейзажа, то ли из-за множества противоречивых чувств, бушевавших у него внутри. За его спиной осталась крепость Понферрада, справа простирался Фуэнтес Нуэвас, его живописные холмы, засаженные виноградниками, вставали позади дубов. Слева бежала река, ее берега пестрели рощами, деревьями и лугами, украшавшими подножье горного хребта Агианы. Впереди среди каштанов и ореховых деревьев, почти скрытая их кронами в вечном цветении зелени, выступала величественная громада монастыря, основанного на окраине Куа доном Бернардо Подагриком, впоследствии перестроенного и расширенного по милости короля дона Алонсо и его сестры доньи Санчи. Птицы весело щебетали, и свежий утренний воздух был наполнен ароматами полевых цветов, распускаясь под утренними лучами солнца.

Монастырь Санта Мария де Карраседо, Эль-Бьерсо, провинция Леон, X в. Фото 2019 г.

Восхитительное зрелище, в котором душа, не обремененная тревогами, не преминула бы найти истинное наслаждение!

Благодаря резвости Альманзора, которого Дон Альваро получил в качестве трофея, победив в андалузской кампании его хозяина-мавра, он вскоре оказался у ворот монастыря. Двое привратников, охранявших ворота, больше для приличия, чем для защиты, оказали сеньору де Бембибре почтение, соответствующее его положению, и один из них, потянув за веревку колокола, предупредил о прибытии столь знатного гостя. Дон Альваро спешил во внутреннем дворе и в сопровождении двух монахов, спустившихся навстречу ему после того, как старший из них благословил его, произнеся строки Святого Писания, направился в комнату, где настоятель монастыря обычно принимал приезжих гостей. Эта была та самая комната, в которой инфанта донья Санча, сестра короля дона Алонсо, вершила правосудие над жителями Бьерсо, щедро одаривая обездоленных милосердием своего сострадательного сердца. Это была изящная зала с легкими колоннами и стрельчатыми арками, искусно инкрустированным потолком, к которому поднималась каменная лестница с легкими перилами. Низкая, но элегантная галерея пропускала свет высокого купола и круглых резных окон, и все это вкуче со строгой, но дорогой мебелью придавало ей вид величественный и серьезный.

Церковники оставили дона Альваро, и через несколько минут вошел аббат. Это был монах лет пятидесяти, с лысой головой, резкими чертами лица, в которых было больше жесткости и суровости, чем евангельской кротости, исхудавший в постах и покаяниях, но еще достаточно энергичный в своих движениях. На первый взгляд казалось, что суровый, мрачный и прямолинейный по натуре, он скорее склонен извергать религиозные громы и молнии, чем покрывать крыльями милосердия человеческие страдания. Несмотря на это, он благодушно приветствовал дона Альваро, если не сказать с чрезмерной эмоциональностью, принимая во внимание его характер, поскольку высоко ценил его. Они обменялись непременно фразами учтивости, и аббат принялся читать письмо магистра. Во время чтения хмурые тучи набегали на его морщинистое лицо, что явно было грустным знамением для дона Альваро, наконец он закончил и сказал энергичным, звонким голосом:

– Я всегда уважал вашу семью, ваш отец был одним из немногих друзей, которыми Господь наградил меня в юности, ваш дядя – праведник, несмотря на его воинское одеяние. Но как вы можете просить моего вмешательства в мирские дела, уж столько лет чуждые мне, более того, чтобы я расстроил планы сеньора де Арганса, которые должны принести столько чести для его рода?

– Но, отец мой, – ответил дон Альваро, – покой вашей духовной дочери, ваша любовь к ней, деликатность моего поведения и даже, может быть, спокойствие этой провинции – все это дела, заслуживающие вашего высочайшего вмешательства и той печати святости, которую получает все то, к чему вы прикасаетесь. Как вы думаете, много ли счастья найдет донья Беатрис в объятиях графа?

– Бедная, безгрешная голубка, – ответил настоятель голосом, почти растроганным, – ее душа чиста, словно зеркало озера Каруседо ночью, когда все звезды неба отражаются в его глубине, а поток злословия взбаламутит и наполнит горечью эти чистые спокойные воды.

Оба помолчали немного, и аббат, как человек, который принял окончательное решение, сказал:

– Способны ли вы совершить поступок, чтобы завоевать донью Беатрис?

– Вы сомневаетесь, падре? – ответил кабальеро, – я способен на все, чтобы выглядеть достойно в ее глазах.

– Тогда, – продолжил аббат, – я готов уговорить дону Алонсо поступиться своими амбициозными планами, но при одном условии: вы должны отказаться от союза с тамплиерами.

Как только дон Альваро услышал подобное предложение, лицо его вспыхнуло от возмущения, но краска тут же схлынула с его лица, сделав его мертвенно бледным. Тем не менее он смог сдержаться, давая ответ, хотя голос его дрожал и прерывался:

– Ваше сердце слепо, поэтому не видит, что донья Беатрис будет первой из тех, кто станет презирать человека, заплатившего столь подлую цену ради нее. Достоинство всегда превышает блаженства. Вы требуете, чтобы я бросил в беде моего дядю и его братьев в этот трудный час? Я полагал, они заслуживают от вас другого отношения к себе.

– Нет ничего достойного в том, – с горячностью ответил аббат, – чтобы способствовать делам тьмы или действовать заодно со злодеями.

– И вы, сын святого Бернарда, так говорите о своих братьях по вере, – сказал кабальеро расстроенно. – Ведь этими словами вы бросаете тень на святой крест, сиявший в лучах славы в Палестине и заставивший пойти на убыль сарацинскую луну в Испании. И вы, такой мудрый, опускаетесь до этих сплетен злобного простонародья?

– О! – с той же горячностью ответил монах, хотя и с оттенком страдания. – Хвала небу, что пока только в устах простого народа ходит имя храмовников! Ведь папа римский видит бесчинства французского короля, но при этом не мечет в него молнии своей власти. Полагаете, он бы оставил без своей благодати сынов церкви, если бы они были невинны? Глава церкви, сын мой, не может ошибаться, и если до сих пор он еще не покарал их, то только из-за мягкости своего отеческого сердца. Какая боль! – добавил он, поднимая руки и глаза к небу. – О, тщеславие рода человеческого! Ну почему они пошли по гибельному пути порока, свернув с надежной и скромной тропы, которую им указал Отец наш? Из-за их необузданности мы только что потеряли Святую Землю, и нам придется плугом сравнять с землей тот храм, под защитой которого так счастливо отдыхало все христианство и который теперь превратился в храм мерзости.

Дон Альваро не смог удержаться от пренебрежительной усмешки и произнес:

– Ваши боевые машины справятся с этим лучше любого плуга.

Аббат посмотрел на него сурово и, не сказав ни слова, взял за руку и подвел к окну. Из окна виднелся живописный холм, его подножие, затененное сбегавшими к реке виноградниками, внушительный склон и вершина терялись в глубине синего неба. Его украшали античные руины, с одной стороны виднелись колонны, у большинства которых недоставало капителей, с другой стороны просматривались остатки фасадов каких-то зданий, заросших травой. Все это

пространство было окружено стеной, по которой вились виноградная лоза и дикая ежевика. Когда-то это «сиротливое поле, затопленное грустью»⁶ было римским городом Бердигум.

Дон Альваро все это хорошо знал, но красноречивый жест аббата, когда тот встал перед этим примером суеты и тщеславия рода человеческого, заставил его смутиться и замолчать.

– Вглядитесь, – сказал монах, – посмотрите на одно из многочисленных грандиозных надгробий, где покоится прах этого великого народа. Они тоже в своей гордыне и несправедливости отвернулись от Бога, как ваши тамплиеры. Идите туда! Идите, как шел туда я в ночной тишине, и спросите эти руины о величии их господ, идите, но только ветра свист и волчий вой будут вам ответом.

Сеньор де Бембибре, до этого момента пребывавший в смятении, оказался сокрушен окончательно и не мог вымолвить ни слова.

– Сын мой, – добавил прелат, – подумайте об этом хорошенько и отрекитесь, пока еще не поздно. Бегите от этих несчастных не оглядываясь, как праведник Лот бежал из Гоморры.

– Как только я увижу то, о чем вы говорите, – ответил дон Альваро со спокойной решимостью, – тогда и последую вашему совету. Тамплиеры, возможно, иногда высокомерны и несдержанны, но это лишь потому, что несправедливость испортила их благородный характер. Они дадут ответ перед папой римским, и их безгрешность останется чиста как солнечный свет. Но в итоге, отец мой, увидев благородство моих намерений, сделаете ли вы что-либо для блага моей души и для доньи Беатрис, которую так любите?

– Ничего, – ответил монах, – я не буду способствовать укреплению храма гордыни и зла.

Тогда кабальеро поднялся и сказал:

– Вы свидетель того, что мне отрезаны все мирные пути. И дай бог, чтобы вам однажды не бросили это в лицо!

– Храни вас небо, добрый рыцарь, – ответил аббат, – и да прозреет ваша душа.

Затем он проводил дону Альваро во двор монастыря и, попрощавшись, вернулся в свою келью, где предался грустным размышлениям.

---

⁶ Строки из поэмы Родриго Каро (1573–1647) «Руинам Италики».

Глава V

Дон Альваро, хотя и не питал больших иллюзий в отношении встречи с аббатом, результат, тем не менее, стал для него неожиданностью. Неисправима слабость бедного человеческого сердца, только неумолимая и холодная реальность может заставить его расстаться с надеждой – тем талисманом, что так облегчает и украшает жизнь. Магистр, со своей стороны, наоборот, предвидел такой исход, поскольку слишком хорошо знал глубину фанатизма, который в душе настоятеля Карраседо задушил все благородные чувства. Но, стремясь поднять дух своего племянника и подчиняясь великодушному порыву, который всегда склоняет души возвышенные к миру и согласию, он все-таки решился на этот шаг. Те же самые причины побудили его нанести визит сеньору де Арганса, хотя критическая ситуация, в которой находился орден, с одной стороны, и всем известное честолюбие дона Алонсо – с другой, должны были заставить его отказаться от этой попытки. Однако нежность старика к своему единственному родственнику порой граничила со слабостью, хотя внешне это проявлялось очень редко.

Итак, в тот день, о котором мы только что рассказали, он выехал из командорства Понфerraда в сопровождении свиты и направился в Аргансу. Визит вышел мучительным и неловким, поскольку дон Алонсо, стремясь уйти от честного и искреннего объяснения ситуации, по поводу которой его и так мучила совесть, отгородился стеной холодной учтивости. Магистр убедился, что решение дона Алонсо неизменно, но, поскольку слишком ревностно относился к чести своего ордена и своему достоинству, чтобы опуститься до бесполезных просьб, попрощался с этим домом, порог которого он столько раз пересекал с душой, полной таких прекрасных намерений.

Как бы то ни было, сеньор де Арганса несколько встревожился, узнав о чувствах, которые испытывает дон Альваро к его дочери, что решил ускорить насколько это возможно брачный союз с графом, стремясь искоренить какое бы то ни было беспокойство. Он мало опасался сопротивления своей жены, поскольку привык к тому, что она постоянно подчиняется его решениям, но характер дочери, унаследовавшей немало его собственной твердости, вызывал у него некоторые опасения. Тем не менее, как человек благоразумный и энергичный, в

достижении своей цели он рассчитывал как на отцовский авторитет, так и на свое влияние на дочь. Итак, однажды вечером, когда донья Беатрис сидела подле своей матери, вышивая покров для церкви, который собиралась подарить монастырю Вильябуэна, где в то время настоятельницей была ее тетка, в комнату вошел ее отец и сказал, что им необходимо обсудить важное дело. Донья Беатрис отложила работу и с почтительным вниманием приготовилась слушать. Черные, цвета эбенового дерева кудри, струившиеся вдоль ее лица, и тревога, прятая в глазах, делали ее лицо еще более интересным. В душе дон Алонсо шевельнулась гордость при виде того, как красива его дочь, в то время как на глазах доньи Бланки выступили слезы от мыслей, что эта красота и богатство, скорее всего, будут причиной ее постоянных несчастий.

– Дочь моя, – сказал дон Алонсо, – ты знаешь, что Господь отнял у нас твоих братьев и ты – единственная и последняя надежда нашего дома.

– Да, сеньор, – ответила донья Беатрис нежным, мелодичным голосом.

– Таким образом, твое положение, – продолжил отец, – обязывает тебя заботиться о чести нашего рода.

– Да, отец, и Бог свидетель, что ни на мгновение я не допускала мысли, которая не была бы преисполнена уважения к чести ваших седи и спокойствию моей матери.

– Иного я и не ожидал от человека, в венах которого течет моя кровь. Я хотел сказать тебе, что наступил момент, увенчавший самые страстные мои желания, когда я могу пожинать плоды своих усилий. Граф де Лемус, самый благородный и могущественный сеньор Галисии, пользующийся покровительством короля и в особенности инфанта дон Хуана, просил у меня твоей руки, и я дал ему согласие.

– Не тот ли это граф, – спросила донья Беатрис, – который после того, как получил от благородной королевы доньи Марии местечко Монфорте в Галисии, тут же покинул ее войско, чтобы встать под знамена инфанта дон Хуана?

– Тот самый, – ответил дон Алонсо, совсем не обрадованный вопросом дочери. – И что ты хочешь этим сказать?

– Возможно ли, чтобы мой отец выбрал мне в мужья человека, которого я не смогу не то что полюбить, но даже уважать.

– Дочь моя, – сдержанно ответил дон Алонсо, поскольку знал противника, с которым собирался иметь дело, и не хотел использовать силу, разве что в самом крайнем случае. – Во времена смут и междоусобиц нелегко пройти, не оступившись хотя бы раз, поскольку дорога полна ям и ухабов.

– Да, – ответила она, – дорога властолюбца всегда усеяна препятствиями и трудностями, а честная тропа рыцаря ровна и спокойна как луг. Граф де Лемус, несомненно, могущественен, и, хотя многие его боятся и ненавидят, я не слышала никого, кто говорил бы о нем с почтением и уважением.

Не зная, как парировать выпад дочери в адрес де Лемуса и его безграничного честолюбия, в гневе дон Алонсо забыл о своих былых намерениях и резко ответил:

– Ваша обязанность – молчать, повиноваться и принять в мужья того, кого выберет вам отец.

– Моя жизнь в ваших руках, и, если вы прикажете, я хоть завтра уйду в монастырь. Но я не могу стать женой графа де Лемуса.

– Что за страсти бушуют в вашей душе, донья Беатрис? – спросил отец, глядя на нее испытующим взглядом. – Вы любите сеньора де Бембибре? – внезапно спросил он.

– Да, отец мой, – искренне ответила она.

– Но разве я вам не сказал, чтобы вы с ним распрощались?

– Я с ним уже попрощалась.

– Почему же тогда не распрощалась с ним эта нелепая страсть в вашем сердце? Самое время вам задумать ее в себе.

– Если такова ваша воля, я задушу ее у подножия алтаря. Я выменяю на любовь небесного супруга любовь дон Альваро, который чистотой своей веры больше заслуживает Бога, чем меня, несчастную женщину. Я откажусь от всех своих мечтаний о счастье, но не забуду его в объятиях другого мужчины.

– Вы поедете в монастырь, – ответил дон Алонсо, вне себя от негодования, – но не для того, чтобы исполнить ваши безумные капризы или стать монахиней, на что вас толкает ваш мятежный характер, а чтобы в уединении, вдали от меня и вашей матери, научиться послушанию и уважению, с которым вы должны ко мне относиться.

Сказав это, разгневанный, дон Алонсо вышел из комнаты, сердито хлопнув дверью, и оставил мать и дочь одних. Повинуясь внезапному порыву, они бросились в объятия друг друга. Донья Бланка тут же разразилась слезами, а донья Беатрис, преисполненная внутреннего мужества, с трудом их сдерживала. В благородных душах несправедливость пробуждает силы, о существовании которых они и не подозревали, и в тот момент девушка это прекрасно почувствовала. У нее было достаточно великодушия и уважения к своему отцу, чтобы не представлять все так, что она полюбила дон Альваро, поскольку изначально все склонялось к тому, что именно он станет мужем, выбранным для нее ее семьей. Но сам этот заговор молчания способствовал тому, чтобы она почувствовала себя оскорбленной до глубины души. Однако отчаяние ее матери, которая не переставала рыдать, крепко прижимая дочь к себе, надломило ее мужество.

– Доченька моя, доченька, – произнесла она, когда слезы наконец позволили ей говорить, – как ты осмелилась так перечить отцу, если никто не может выдержать даже его взгляд?

– Это, наверное, и говорит о том, что я его дочь, и унаследовала силу его характера.

– Несчастливая я женщина! – воскликнула донья Бланка, бурно выражая свое горе. – Из-за своей глупой осторожности я лишила тебя тихой гавани семейного счастья, а себя – возможности наслаждаться им, сидя на берегу.

– Матушка, – сказала девушка, вытирая ей слезы, – вы всегда были так нежны и ласковы со мной. Наше будущее – в руках Господа, успокойтесь и позаботьтесь о своем здоровье. Бог даст нам силы, чтобы пережить разлуку, и, кроме всего прочего, я молода и здорова.

Мысль о том, что она расстанется со своей дочерью, которую не отпускала от себя ни на миг и которая исчезнет из ее жизни вот так, в одно мгновение, повергло мать в такую пучину тоски и печали, что донья Беатрис пришлось приложить все силы своего сердца и ума, чтобы успокоить ее. Донья Бланка, которая в силу своего мягкого и доброго характера привыкла уступать во всех жизненных ситуациях и чей собственный брак начался с подобного, хотя и гораздо меньшего самопожертвования, чем требовалось от ее дочери, хотела сказать ей что-то, но не осмелилась. На прощание она спросила:

– Но, дочка, не лучше ли было все-таки уступить?

Донья Беатрис, красноречиво посмотрев на мать, ничего ей не ответила, а просто обняла ее и пожелала хороших снов.

Глава VI

Сцена, которую мы только что описали, вызвала большое беспокойство в душе сеньора де Арганса, поскольку стало ясно, насколько глубоко пустила корни в сердце его дочери эта злополучная страсть, которая расстроила все его честолюбивые планы. Он не привык к тому, чтобы ему перечили, и тем более не ожидал этого со стороны собственной дочери, бывшей до сих пор образцом покорности и уважительности. Его гордость была в высшей степени уязвлена, даже если в глубине души, казалось, он был счастлив иногда обнаружить в близком человеке такое благородное мужество, выдержку и столь возвышенные чувства. Тем не менее, чтобы сохранить в целости и сохранности свой отцовский авторитет, по прошествии двух дней он решил отправить донью Беатрис в монастырь Вильябуэна. Он надеялся, что уединенность самого места, живой пример послушания, свидетелем которого она будет на каждом шагу, и особенно пример ее благочестивой тети поспособствуют изменению настроений в ее душе.

Чем сильнее дон Алонсо стремился сохранить мотив своего решения в тайне, тем более очевиден он становился как для семьи, так и для всей усадьбы. А поскольку все обожали донью Беатрис – это великодушное и доброе создание, день ее отъезда стал днем всеобщей печали и уныния. Даже Мендо, поддерживавший замыслы своего хозяина и защищавший графа де Лемуса, едва мог сдерживать слезы. Дон Алонсо, борясь с одолевавшим его раскаянием, сдержанно давал понять, что отсутствие доньи Беатрис продлится всего несколько дней и не несет никакой иной цели, кроме как удовлетворить желание настоятельницы монастыря Вильябуэна провести несколько дней в компании своей племянницы. Но поскольку домочадцам сердце подсказывало прямо противоположное, усилия сеньора оказались напрасны.

Донья Беатрис попрощалась со своей матерью в дальних комнатах, где их никто не мог увидеть, а потому не смогла сохранить присутствие духа, и ее отчаяние было столь же безудержно, сколь сдержанно оно было до этого. Сердце каждой матери обладает нечеловеческой силой, и это хорошо продемонстрировала донья Бланка, которая на этот раз стала утешением и поддержкой для своей дочери. Наконец донья Беатрис разжала объятые матери и, высушив слезы, спустилась во двор, где дожидались почти все вассалы ее отца. Она предстала

во всем сиянии своей красоты: ее величественная, гордая фигура была подчеркнута темным платьем, прекрасные заплаканные глаза излучали свет, подобно солнечным лучам, пробивавшимся после грозы сквозь влажные ветви деревьев. Большинство этих бедных людей, которым донья Беатрис всегда помогала в их бедах и невзгодах, появляясь в их домах, словно ангел утешения и покоя, со слезами бросились ей навстречу, целуя кто ее руки, кто подол платья. Девушка постаралась мягко освободиться от них, с помощью растроганного Мендо села на свою белую лошадку, в прощании протянула руки к своим вассалам и выехала из усадьбы, не говоря ни слова, поскольку с самого начала в горле ее стоял ком.

Сельский воздух постепенно восстановил ее спокойствие. Свиту ее отца, ехавшего немного впереди, как бы демонстрируя свое недовольство, хотя в действительности просто скрывая свои эмоции, составляли старый Нуньо на своей охотничьей лошади, но в этот раз без сокола и собаки, толстый Мендо, который выглядел расстроенным, и Мартина, горничная доньи Беатрис, белокурая голубоглазая крестьянка, милая и жизнерадостная, со смешливым, умным лицом. Поскольку она, к ее великому удовольствию, должна была сопровождать свою сеньору и служить ей во время пребывания в монастыре, нам доподлинно неизвестно, это ли обстоятельство больше влияло на плохое настроение конюшего или та ревность и досада, которую вызвал Миллан, оруженосец дон Альваро, поскольку Мендо имел слабость любить Мартину. Спустя некоторое время донья Беатрис обратилась к сокольничему, который почтительно ехал чуть сзади.

– Приблизьтесь, добрый Нуньо, я хочу поговорить с вами. Вы – самый старый слуга нашего дома и хорошо знаете, как я вас ценю.

– Да, сеньора, – ответил он неуверенным голосом. – Кто бы сказал мне тогда, когда вы в детстве играли с моими соколами и собаками, что наступят такие дни.

– Придут и другие, еще хуже, бедный мой Нуньо, если те, кто любит меня, не помогут мне. Ты знаешь, о чем речь, и больше всего я боюсь, как бы эта неуместная заботливость моего отца не заставила меня взять в мужья человека, ненавистного всем. Если бы у меня были родственники, я могла бы обратиться к ним за помощью, но, к сожалению, я последняя в нашем роду. Раз так, самое время просить защиты у него: ну, вы меня понимаете. Вы осмелитесь передать ему мое письмо?

Нуньо промолчал.

– Подумайте, речь идет о моем счастье в этой жизни и, возможно, в другой жизни тоже. Способны ли вы отказать мне?

– Нет, сеньора, – ответил слуга решительно, – давайте письмо, и я доставлю его, даже если мне придется пересечь всю страну мавров. Конечно, если хозяин узнает об этом, он прикажет пригвоздить меня к позорному столбу и высечь, а в худшем случае выгонит меня. Но надеюсь, что дон Альваро, столь добрый и благородный, не откажет мне в местечке в своем замке, где я мог бы заботиться о соколах и кречетах. Все в руках божьих, а он прекрасно видит, что я делаю то, что должен сделать.

Растроганная донья Беатрис передала письмо, но не успела даже поблагодарить его, поскольку Мендо и Мартина поравнялись с ними в этот момент. Так они продолжили в тишине свой путь вдоль берега реки Куа, где раньше стоял монастырь Святого Бернардо, собрат монастыря в Карраседо, в котором когда-то были монахинями две особы королевской крови. Монастырь исчез, но городок Вильябуэна, рядом с которым он располагался, до сих пор продолжал существовать и жил своей безмятежной жизнью у подножия холмов, засаженных виноградниками. Его окружали пастбища, огороженные тополями, и сады, полные фруктовых деревьев. Река обильно орошала эту плодородную землю, которую природа, казалось, щедро одарила одной из своих самых восхитительных улыбок.

В конце полуторачасового путешествия кавалькада спешила у монастыря, из ворот которого вышла настоятельница с общиной, встречая племянницу. Все монахини радушно

приветствовали девушку, очарованные ее скромностью и красотой. Потом дон Алонсо тайно от дочери переговорил со своей свояченицей, опасаясь энергичности и решительности доньи Беатрис, которые в предыдущие дни достаточно поколебали его уверенность. Нуньо и Мендо попрощались со своей молодой хозяйкой более нежно, чем можно было ожидать от представителей их пола и воспитания. Эти верные слуги, привыкшие, что присутствие доньи Беатрис, словно жизнерадостный лучик, освещает все темные углы, понимали, что во время ее отсутствия грусть и недовольство поселятся в доме. Они знали, что дон Алонсо чаще поддается приступам плохого настроения без мягкого противовеса в лице своей дочери. Кроме того, ни для кого не было секретом, что обычные для доньи Бланки недуги только обостряются в связи с новым ударом, омрачившим семейный горизонт. Поэтому на обратном пути они молча ехали за своим хозяином, таким же угрюмым и неразговорчивым. Прибыв в Аргансу, Мендо повел на конюшню лошадей. Нуньо же, после того как задал корм своей лошади и поужинал сам, около полуночи выехал из усадьбы, якобы с намерением подкараулить зайца в одном из отдаленных мест и заодно потренировать новую гончую, а на самом деле чтобы тайно прибыть в Бембибре и передать письмо доньи Беатрис, в котором говорилось примерно следующее:

«Мой отец отослал меня с глаз своих из-за вашей любви, и я смиренно приняла эту ссылку. Но ни вы, ни я не должны забывать, что это мой отец, и потому, если вы испытываете ко мне хоть чуточку нежности и верите моим обещаниям, надеюсь, не предпримете никаких отчаянных действий. В первое же ближайшее воскресенье постарайтесь остаться ночью в церкви монастыря, и я вам скажу то, что сейчас сказать не могу. Храни вас Бог, и пусть он даст вам сил вынести все это».

Нуньо исполнил это деликатное поручение с таким тактом, что все, что смог сделать дон Альваро, это заставить его принять на память серебряную цепь для охотничьего рога. После этого у сокольничего еще осталось время, чтобы подкараулить зайца, которого он рано утром с триумфом и привез в усадьбу, рассыпаясь в похвалах своей новой гончей.

Глава VII

Следует отметить, что те средства, которые использовал сеньор де Арганса, чтобы вырвать из сердца своей дочери любовь, пустившую столь прочные корни, были не самыми подходящими. Нельзя было управлять этой чистой душой, щедрой, но в то же время гордой, ни с помощью страха, ни с помощью наказания. Возможно, сдержанностью и мягкостью и можно было бы добиться от нее того, чего хотел ее отец, поскольку идея самопожертвования обычно безотчетно присутствует в таких людях; более того, они с радостью приветствуют эту идею, потому как она представляется им связанной с величием и страданием. Однако донья Беатрис, по меткому определению настоятеля монастыря Карраседо, была похожа на тихие и прозрачные воды голубого спокойного озера, а потому легко пришла в ярость, когда эту поверхность задел ветер несправедливости и жестокости. Сама идея принадлежать такому неприятному кабальеро, как граф де Лемус, и быть игрушкой в чужих руках, оскорбляла ее до такой степени, что она готова была на любую крайность, лишь бы избежать подобного унижения.

С другой стороны, одиночество и препятствия, которых достаточно, чтобы погасить мимолетные увлечения или греховные чувства, лишь разжигают страсть подлинную и глубокую. Чистая и невинная любовь очищает душу, а самоотречение оказывается неразрывно связанным с теми возвышенными религиозными чувствами, которые по своей сути не что иное, как истинная любовь ко всему земному. Если же вдруг преследование наделяет ее ореолом мученичества, тогда сама боль оставляет глубокий след в душе, и эта дорогая сердцу идея становится всепоглощающей, так же как мать, посвятившая всю себя больному сыну, который не оставляет ей ни минуты отдыха, привыкает любить эту жертвенность.

Именно это и произошло с доньей Беатрис. В тишине, которая окружала ее, голос сердца становился громче и полнзвучнее, мысли устремлялись к тому, в чьих руках находились все ее мечты, освещая все то, что было скрыто от ее сознания, и в эти мгновения ее губы невольно шептали это дорогое имя. Возможно, она надеялась, что ее молитвы повстречались на небесах с его молитвами, в то время как их сердца летали в поисках друг друга на этой несчастной

земле, и в своем воображении она представляла все свои слезы и несчастья как венец, который украсит ее в глазах любимого.

Ее тетя, которая тоже была влюблена когда-то и видела, как под рукой смерти опадают лепестки ее надежд, уважала чувства племянницы и пыталась облегчить ее заточение, давая ей столько свободы, сколько было возможным, и относясь к ней с предельной нежностью. Ее женская проницательность подсказывала, что только так можно справиться с этой сложной натурой, в которой одновременно уживались и лев, и голубка. Благоразумная сеньора полагала, что время – лучший лекарь, и давала возможность поработать ему, прежде чем предпринимать что-то еще.

Тот день, который донья Беатрис указала дону Альваро в своем письме, был выбран не случайно. Как правило, в этот день, накануне дня погребения святых покровителей этой обители, большое количество народа стекалось за милостыней, которую обычно начинали раздавать после вечерни, и все это длилось до наступления темноты. Поэтому рыцарю было легко затеряться в толпе, переодевшись в простую одежду, и проскользнуть в исповедальню, где он и спрятался, пока горожане внимательно слушали проповедь. В то время в этих краях в церквях существовали, а в некоторых остались и до сих пор закрытые исповедальни с решетчатой дверью, которые не раз служили укрытием в случаях, подобных тому, что произошел с нашим рыцарем. Наконец по окончании службы храм опустел, монахини закончили последние молитвы, пономарь погасил свет и покинул церковь, закрывая двери своими огромными ключами.

В храме наступила гробовая тишина, и слабое колеблющееся пламя единственного освещавшего его светильника больше искажало предметы, чем высвечивало их. Головы людей и животных, украшавшие капители колонн, казалось, гримасничали и кривлялись, а глаза золоченых статуй святых у алтаря, в которых отражались расплывчатые дрожащие лучи этого похоронного света, казалось, метали молнии в наглеца, который осмелился принести в этот храм религии и покоя иные заботы, нежели небесные. На хорах было темно и мрачно, шум ветра в ветвях деревьев и журчание ручья, которые доносились извне вместе с криками ночных птиц, отдавались под этими величественными сводами странным и пугающим эхом.

Дон Альваро был сыном своего времени, и в любом другом случае подобные обстоятельства могли бы произвести на него глубокое впечатление, но реальный риск быть обнаруженным и опасности, которые в этом случае грозили донье Беатрис, а также желание прояснить свою участь, и особенно надежда услышать ее сладкий голос, преодолели все мнимые страхи. Наконец он услышал колокол монастыря, звонящий, чтобы собрать всех, затем далекие голоса прощающихся людей, шаги и там и тут, звуки открываемых и закрываемых дверей, и в конце концов все погрузилось в такую же глубокую тишину, как та, которая его окружала.

Тогда он вышел из исповедальни и, тревожно прислушиваясь, приблизился к решетке клироса, и каждую секунду ему казалось, что он слышит легкий звук шагов и шелест платья доньи Беатрис. Наконец какая-то легкая белая фигура появилась в темной глубине, быстро и бесшумно пройдя вперед, и перед глазами дон Альваро, уже немного привыкшими к темноте, предстали изящные очертания дочери дома Оссорио.

Донья Беатрис в свою очередь было проще различить его в темноте, поскольку неясная фигура дон Альваро ясно вырисовывалась в тусклых лучах лампы, светившей ему в спину. Затем она приблизилась к ограждению, держа палец на губах, словно внезапно ожившая статуя молчания, и, повернув голову, будто бросая прощальный взгляд на хоры, прошептала:

– Это вы, дон Альваро?

– Кто, кроме меня, – ответил он, – пришел бы искать ваш взгляд среди безмолвия усыпальниц? Мне сказали, что вы страдаете в разлуке с матерью, и, хотя в этой темноте я плохо вижу ваше лицо, кажется, я заметил следы слез и бессонницы. Хорошо ли вы себя чувствуете?

– Слава богу, – ответила она почти весело, – небеса дали мне силы. Не знаю, омрачили ли слезы мои глаза и не украли ли несчастья румянец с моих щек, но сердце у меня осталось прежним. Однако мы – безумцы, – добавила она, спохватившись, – так бездарно тратить эти драгоценные секунды, что даровала нам судьба, и которые, боюсь, не выпадут нам еще долго. Как вы думаете, дон Альваро, зачем я вас сюда позвала?

– Я подумал, – ответил он, – что вы читаете мою душу и что в вашем божественном сострадании вы сжалились надо мной.

– И вы не строили отчаянных и безрассудных планов? Не собирались руками разорвать мои цепи?

Дон Альваро не ответил, и донья Беатрис продолжила с упреком:

– Вот видите, ваше сердце вас не обманывает, я читаю в нем как в открытой книге. Однако знайте, недостаточно того, что вы меня любите, вы должны поверить мне и благородно ждать. Я не хочу, чтобы вы восстали против неба, чью волю исполняет мой отец, потому что, как я вам уже говорила, никогда не запятнаю свое имя неповиновением.

– О, Беатрис! – ответил дон Альваро поспешно. – Не осуждайте меня, не выслушав. Вы не знаете, что значит жить, лишившись вашего присутствия, вы не знаете, как разрывает мне сердце мысль о ваших невзгодах, причиной которых стал я, несчастный, и не иметь возможности положить им конец. Когда я видел, как вы, всеми любимая и почитаемая, счастливы в вашем доме, весь мир казался мне бесконечным весельем, радостным религиозным праздником, на котором все благодарят Бога за те милости, которыми он щедро их осыпает. Когда вечером пели птицы, это вы со мной говорили их трелями, журчанье ручья восхищало меня, поскольку в нем я слышал звуки вашего голоса, и казалось, что само одиночество сгущается в благоговейной тишине лишь только для того, чтобы услышать ваше имя из моих уст. Но сейчас вся природа поблекла, люди рядом со мной бродят грустно и молчаливо. В моих сновидениях я вижу вас, бредущую по мрачному монастырю с расстроенным, заплаканным лицом, распущенными волосами, и эхо одиночества, что раньше повторяло за мной ваше имя, теперь возвращает мне только мои стоны. Что вы хотите? Отчаяние в тот миг заставило меня согласиться на то, чтобы вы страдали из-за меня, в то время как у меня была шпага, чтобы разрубить ваши цепи.

– Спасибо, дон Альваро, – ответила она растроганно. – Я вижу, как сильно вы меня любите, но вы должны поклясться здесь, перед Богом, что вы ничего подобного не совершите без моего согласия. Вы можете принести меня в жертву ради вашей славы, но я уже сказала, что не ослушаюсь своего отца.

– Я не могу поклясться вам в этом, сеньора, – ответил кабальеро, – вы же видите: дело уже дошло до жестокого преследования, и, возможно, только оружие может спасти вас. Поймите, они могут насильно привести вас к алтарю и там вырвать ваше согласие.

– Не думайте, что мой отец способен на такую подлость.

– Но ваш отец, по его словам, – с гневом ответил дон Альваро, – уже дал свое обещание графу и считает, что он заботится о вашей чести и чести вашего дома.

– Тогда я попрошу графа о встрече, откроюсь ему, и он отступит.

– Кто, он? Он отступит? – воскликнул дон Альваро, выходя из себя. Его голос эхом отдавался в церкви. – Отступить, когда именно в вас упираются все его планы! Клянусь честью моего отца, сеньора, вы – сошли с ума!

Девушка преодолела испуг, который вызвал тон его голоса, и сказала мягко, но решительно:

– В таком случае я дам вам знать, но до этого момента поклянитесь мне в том, о чем я вас просила. Вы уже знаете, что никогда, никогда я не буду принадлежать ему.

– Донья Беатрис! – внезапно окликнул ее чей-то голос.

– Боже правый! – воскликнула она, невольно отступая к решетке, в то время как дон Альваро машинально сжал в руке свой кинжал. – А, это ты, Мартина? – добавила она, узнав свою верную служанку, которую оставила караулить у входа и совершенно забыла об этом.

– Да, сеньора, – ответила девушка, – я пришла сказать, что монахини начали просыпаться, потому что уже почти рассвело.

– Сейчас нам лучше расстаться, – прошептала донья Беатрис, – но мы расстанемся навсегда, если вы не поклянетесь мне вашей честью в том, о чем я попросила вас.

– Клянусь честью, – ответил дон Альваро.

– Тогда идите с богом, благородный рыцарь, я дам вам знать, если понадобится, и будьте уверены, что вы никогда не проклянете тот час, в который доверились мне.

Хозяйка со служанкой спешно удалились, а дон Альваро, проводив их взглядом, опять спрятался в исповедалне. Вскоре колокола монастыря зазвонили к заутрене, пономарь открыл двери церкви, и, пока он направлялся к ризнице, дон Альваро смог незаметно выйти. Пешком он дошел до леса, где верный Миллан ждал его всю ночь с лошадьми, и, вскочив в седла, лесными тропами они вскоре прибыли в Бембибре.

Глава VIII

Дни, последовавшие за заточением доньи Беатрис, стали для сеньора Бембибре, как мы от него и слышали, действительно тягостными и мучительными. Однако его кипучая и порывистая натура не могла мириться с этим, просто страдая в бездействии, поэтому день и ночь он строил планы, с каждым разом все более отчаянные. То он собирался среди бела дня штурмовать во главе отряда под своими знаменами мирный приют в Вильябуэне с оружием в руках. То собирался отправить вызов на дуэль графу де Лемусу. Он даже представлял, как попросит помощи у одного из рыцарей-тамплиеров, например у командора Салданди, коменданта крепости Корнатель, который, без сомнения, помог бы из чувства ненависти к общему врагу. И уже под конец, как мгновенная вспышка, потрясшая его до глубины души, ему пришла в голову идея союза с главарем банды преступников по прозвищу Кузнец, который время от времени появлялся в этих местах во главе горстки людей, оставшихся участниками междоусобных распрей, еще недавно сотрясавших королевство Кастилии.

Как бы то ни было, всем этим несбыточным планам противостояли то благородный образ доньи Беатрис, возмущенной его дерзостью, то почтенное лицо его дяди магистра, который сохранял выдержку, несмотря на все те опасности, которые угрожали ордену, то, наконец, непреклонный голос его собственной чести, воспрещавший ему подобные планы. Тогда кабальеро возвращался к борьбе со своими терзаниями, оберегая свою единственную надежду и мучаясь от неопределенности. В этом состоянии и произошла сцена, о которой мы рассказали в предыдущей главе, и дон Альваро был вынужден отказаться от своих отчаянных намерений, пожалуй, даже пристыженный тем, что твердость духа одинокой незащищенной девушки подает ему такой пример выдержки и терпения. В любом случае, этот разговор, который лишний раз продемонстрировал добродетель и красоту сердца его возлюбленной, немало успокоил его душу, окруженную страхами и мраком.

Прошло некоторое время, в течение которого дон Алонсо не тревожил свою дочь, следуя совету жены и благочестивой настоятельницы, а донья Беатрис в свою очередь не жаловалась на судьбу, став объектом нежности и сочувствия для всех монахинь, чему немало спо-

собствовали ее красота и кроткий характер. Обладая, как мы уже упоминали, достаточной свободой, она прогуливалась по садам и рощам вокруг монастыря, и ее израненному сердцу доставляло несказанное удовольствие созерцать, как невозбранно идёт в рост умиротворяющая природа. Ее дух в одиночестве становился тверже, и эта и так по своей сути чистая страсть в горниле страданий становилась еще чище и безупречнее, пуская свои корни, словно мистическое дерево в пустыне, и поднимая свои засохшие ветви в поисках росы щедрого неба.

Однако это спокойствие продлилось недолго. Граф де Лемус вновь предъявил свои права, и дон Алонсо объявил дочери свое окончательное решение. Поскольку это было ожидаемо, девушка не выказала ни удивления, ни огорчения и удовлетворилась лишь тем, что упростила отца дать ей возможность поговорить с графом самой, на что дон Алонсо был вынужден согласиться.

Поскольку читателю придется ближе познакомиться с этим персонажем в ходе нашей истории, следует немного представить его. Дон Педро Фернандес де Кастро, граф де Лемус, был человеком, который получил свой титул в беспокойное время смут и междоусобиц. По праву наследования он был самым влиятельным сеньором в Галисии, поскольку его предшественники ради процветания своего дома использовали любые выпадавшие им возможности в тот момент, когда трон славного Святого Фердинанда⁷ потемнел от крови внутренних распрей в руках его сыновей и внуков. В свою очередь дон Педро, придя в этот мир в эпоху, наиболее приспособленную к подобного рода замыслам, достиг в смутные времена беспорядков при несовершеннолетнем Фердинанде Призванном⁸ значительного увеличения как своих владений, так и числа вассалов при помощи инфанта дона Хуана⁹, который, не стесняясь в выборе средств, правил в королевстве Леон. Это было в то время, когда де Лемус, угрожая перейти на сторону узурпатора, добился от королевы доньи Марии получения в дар богатых земель Монфорте и тут же покинул ее, пополнив ряды ее врагов. Это предательство было делом столь громким и публичным, что стало известно всем, и потому расширение графом своих владений было несопоставимо с этим подлым поступком. Его бессердечие в сочетании с гигантскими амбициями в стремлении к власти и богатству, с которыми он прокладывал себе дорогу, одних пугали, других заставляли заискивать перед ним, но большинством были ненавидимы. Его имя стало объектом презрения для всех людей, наделенных честью и благородством. Однако, несмотря на свои пороки и поступки, он обладал и блестящими качествами: его чрезмерная гордость превращалась в отвагу всякий раз, когда того требовал случай, его манеры были благородны и непринужденны, и он был вполне щедр и великодушен во многих обстоятельствах, хотя тщеславие и расчет были тайным мотивом его действий.

Таким был человек, с которым должна была соединить свою судьбу донья Беатрис. В день встречи одна из комнат для посетителей в монастыре была тщательно украшена, чтобы принять такого влиятельного сеньора и будущего мужа ближайшей родственницы настоятельницы. Свита графа, состоявшая из дона Алонсо и ещё одного местного небогатого идалго, заняла места в отдалении, в то время как он, сидя в кресле у решетки сада, с некоторым нетерпением и даже беспокойством ожидал появления доньи Беатрис.

Наконец она вошла в сопровождении тети, одетая, как подобает случаю, и, слегка поклонившись графу, села в кресло напротив, предназначенное для нее во внутренней части за решёткой. Настоятельница, выслушав вежливые приветствия и комплименты кабальеро, уда-

---

⁷ Святой Фердинанд III Кастильский (1199–1252) – объединил в своих руках Кастилию, Леон и Галисию, образовав единое королевство Кастилия и Леон.

⁸ Фердинанд IV Кастильский (1285–1312) – стал королем в 10 лет, но, поскольку не все признавали его мать Марию де Молина законной женой Санчо IV Храброго, а его самого законным наследником, распри в стране приняли угрожающие размеры.

⁹ Инфант Хуан Кастильский (1262–1319) – брат короля Санчо IV, узурпировал власть в борьбе с племянником Фердинандом IV и его матерью за кастильский престол, в 1296 был незаконно провозглашен королем Леона, Севильи и Галисии.

лилась, оставив их наедине. Донья Беатрис тем временем внимательно наблюдала за выражением и чертами лица человека, который уже доставил ей столько неприятностей и был способен причинить еще больше. Это был среднего роста молодой человек лет тридцати, его лицу с довольно правильными чертами не хватало привлекательности или, лучше сказать, оно отталкивало выражением иронии, игравшей язвительной усмешкой на его тонких губах. В переменчивом блеске его блуждающего взгляда не было и намека на искренность и честность, а его высокомерный, чуть нахмуренный лоб носил скорее следы интриг и злых страстей, чем печали и раздумий. Он был роскошно одет и носил на шее крест Сантьяго¹⁰, висящий на золотой цепи. Граф стоял и смотрел на это прекрасно видение, которое, без сомнения, превзошло все его ожидания. Донья Беатрис предложила ему сесть жестом, преисполненным достоинства.

– Я не могу этого сделать, прекрасная сеньора, – ответил он учтиво, – поскольку ваш вассал никогда не сравнится с вами, той, которая во всех турнирах мира была бы королевой красоты. Как бы мне хотелось, чтобы вы оказались столь же прекрасны и в любви!

– Вы очень любезны, – ответила донья Беатрис, – иного я и не ожидала от настоящего кабальеро, но вы же знаете, что королевы любят, когда им подчиняются, и потому я жду, что вы все-таки присядете. Я также должна вам сказать кое-что о том, что касается нас обоих, – добавила она с уже большей серьезностью.

Граф сел, немало озабоченный тем, какой оборот принимает разговор, и донья Беатрис продолжила:

– Простите, что я говорю вам о рыцарских обязанностях и что столь откровенно открываю перед вами свою душу. Когда вы просили моей руки, ни разу не увидев меня и не убедившись, что я достойна такой чести, вы оказали мне доверие, за которое я могу отплатить вам только тем же самым. Вы со мной не знакомы и потому не влюблены в меня.

– В таком случае и вы меня должны простить, – ответил граф. – Сожалею, что до сегодняшнего дня я не видел вашей чудесной красоты, которую все так расхваливают, и не знал о ваших прекрасных душевных качествах, которые не остались незамеченными во всей Кастилии, но уверен, что они станут главным гарантом той страсти, которую вы мне внушаете.

Донья Беатрис, с огорчением обнаружив только лишь учтивую галантность там, где она хотела бы проявления полной искренности, сказала с твердостью и достоинством:

– Но я не люблю вас, граф. Надеюсь, что вы весьма благородны, и полагаю, что вы не примете в дар мою руку, не получив моей души.

– Почему нет, донья Беатрис? – спросил он с холодной учтивостью. – Когда вы станете моей женой и поймете, какое место вы занимаете в моем сердце, вы простите мне такую настойчивость в стремлении обрести счастье, назвав вас своей. И тогда, без сомнения, вы полюбите человека, который полностью посвятит свою жизнь тому, чтобы предугадывать все ваши желания и капризы, получая в награду лишь один взгляд этих глаз.

Донья Беатрис в душе сравнила эту напыщенную речь, которая не задела ни единой струны в ее душе, со страстными порывами и простотой слов дона Альваро. Осознав, что ее судьба бесповоротно предрешена, она решительно ответила:

– Я никогда не смогу полюбить вас, потому что мое сердце уже не принадлежит мне.

В те времена строгость домашних устоев и подчинение дочерей воле родителей были таковы, что граф был поражен, увидев глубину такого чувства, превосходившего все пределы допустимого для такой скромной, застенчивой девушки. Он кое-что знал о несчастной любви, которая сейчас стала препятствием на пути его честолюбия, однако привык видеть, как все подчиняются его воле, и был обескуражен, увидев столь могущественного противника в такой мягкой и деликатной на вид девушке. При этом, будучи весьма настойчивым, он никогда не

---

¹⁰ Орден Сантьяго (Орден меча Святого Иакова) – католический военный орден, основанный в Испании в 1160 г. для защиты паломников в Компостелу.

отступал перед какими-либо препятствиями и потому, быстро придя в себя, он ответил не без легкой язвительности, которую, как он ни старался, скрыть не удалось.

– Я что-то слышал о вашей странной симпатии к этому местному идальго, но никогда не поверю, что вы не подчинитесь решению вашего отца и тем обязанностям, которые на вас возлагает ваше происхождение.

– Тот, кого вы так презрительно называете «этот идальго», – невозмутимо ответила донья Беатрис, – не менее знатен, чем вы, а благородство его крови равно благородству его поступков. Даже если мой отец решит, что мое поведение достойно осуждения, я не думаю, что он передал вам ту власть надо мной, которую я признаю только за ним.

Некоторое время граф оставался в задумчивости, словно в душе его боролись противоречивые чувства, пока наконец, как обычно и случалось, не победила сущность его натуры, и он сдержанно ответил с оттенком притворного сожаления:

– Мне очень жаль, сеньора, я не знал, что ваше сердце уже занято. Но вы же видите, что все зашло так далеко, и потому разрыв помолвки не сделает чести ни вашему отцу, ни мне, выставив нас на всеобщее посмешище.

– Вы хотите сказать, – с горечью ответила донья Беатрис, – что вы скорее пожертвуете мной, чем вашей гордостью? И вот таким образом вы защищаете несчастную девушку? Зачем же вы тогда носите на шее этот символ испанского рыцарства? Знайте же, – добавила она, бросая на него взгляд оскорбленной королевы, – что это не тот путь, которым можно завоевать мое сердце. Идите с богом, и да хранит вас небо, поскольку мы никогда больше не увидимся.

Граф хотел было возразить ей, но попросался, высокомерно сжав губы, и, поднявшись, удалился, сбитый с толку больше голосом собственной совести, нежели вспышкой гнева доньи Беатрис. Тем не менее присутствие дон Алонсо и остальных кабальеро быстро вернуло его в привычное состояние, и он заявил, что нет никаких помех, препятствующих тому счастью, которое он представляет себе в объятиях сеньоры, являющейся образцом красоты и благоразумия. Сеньор де Арганса, услышав это, решил, что, возможно, намерения дочери изменились, и поспешно вошел в комнату для посетителей.

Девушка все еще стояла у решетки, и ее лицо пылало от гнева, однако при виде входящего отца, который, несмотря на всю свою суровость, был очень дорог ее сердцу, ужасное настроение сменилось невероятной нежностью. В порыве она упала перед ним на колени и, протягивая руки сквозь прутья решетки и заливаясь слезами, горько воскликнула:

– Отец, отец мой! Не отдавайте меня этому недостойному человеку! Не низвергайте меня в пучины отчаяния и ада! Помните, что вы будете в ответе перед Богом и за мою жизнь, и за спасение моей души!

Дон Алонсо не чувствовал неискренности графа, поскольку со своим прямодушным нравом сам вовсе не умел лицемерить, а потому пришел к выводу, что тактичность и учтивость де Лемуса помогли уговорить его дочь, и, хотя и не осмеливался этому поверить, подобная мысль укрепила его дух больше, чем он сам мог ожидать. Поэтому он был неприятно удивлен, увидев слезы и отчаяние доньи Беатрис. Тем не менее он мягко сказал:

– Дочка, уже ничего нельзя изменить. Если для тебя это – жертва, мужественно соверши ее и смирись. Через три дня вы обвенчаетесь в часовне нашего дома со всей приличествующей случаю торжественностью.

– О, сеньор! Подумайте хорошо! Дайте мне хотя бы еще немного времени!

– Я уже подумал, – ответил дон Алонсо, – и срок вполне достаточен для того, чтобы вы исполнили отцовскую волю.

Тогда донья Беатрис встала, обеими руками убрала волосы со своего божественного лица и, устремив на своего отца решительный взгляд, глухо произнесла:

– Я не могу вам в этом подчиниться и у алтаря скажу – «нет».

– Только попробуй, неблагодарная! – ответил сеньор де Арганса, выходя из себя от ярости и злости. – Тогда мое проклятье упадет на твою непокорную голову и испепелит тебя, как огонь небесный. Ты покинешь отчий дом, сгибаясь под его бременем, и словно Каин будешь скитаться по земле.

С этими страшными словами он, не оглядываясь назад, покинул комнату для посетителей. Донья Беатрис, заметавшись по комнате словно безумная, упала на пол с громким стоном. Ее тетя вместе с другими монахинями прибежали на шум и помогли ее верной служанке отвести сеньору в келью.

Глава IX

Припадок у несчастной сеньоры был довольно продолжительным и потребовал много забот от усердных монахинь, но в конце концов она пришла в себя, в основном благодаря своему крепкому здоровью. Поначалу она смотрела вокруг испуганными глазами, однако постепенно, ценой больших усилий она обрела необходимое спокойствие, чтобы попросить оставить ее наедине со своей служанкой на тот случай, если что-либо понадобится. Настоятельница, которая хорошо знала, что ее племянница не любит демонстрировать свою слабость на глазах у посторонних, поспешила удовлетворить ее просьбу, напоследок сказав несколько слов утешения и нежно обняв ее.

Как только монахини вышли, донья Беатрис с ловкостью козули поднялась с кровати и, закрыв дверь изнутри, повернулась к своей изумленной горничной и поспешно произнесла:

– Они хотят насильно притащить меня к алтарю, чтобы я солгала перед Богом и людьми! Ты знаешь это, Мартина? А мой отец угрожал мне проклятьем, если я буду сопротивляться! Все, все покинули меня! Послушай, нужно выбраться отсюда! Нужно, чтобы он узнал об этом, хотя, возможно, и он покинул меня, а тогда только Бог спасет меня в своем царствии небесном.

– Успокойтесь, сеньора, ради всего святого! – в замешательстве ответила девушка. – Как вы собираетесь выбраться отсюда, когда здесь такие стены и столько решеток?

– Нет, я – нет, – ответила донья Беатрис, – потому что меня точно будут искать и схватят, зато ты можешь пойти и рассказать ему о той ситуации, в которой я оказалась. Придумай что-нибудь... Даже если это будет ложь, ты же уже видела, как мужчины обманывают и творят несправедливость. Что такое? – добавила она нетерпеливо, заметив, что Мартина продолжает молчать. – Куда подевались твои бойкость и сообразительность? У тебя нет причин, чтобы сходить с ума, как я.

Пока она все это говорила, Мартина беспорядочно меряла комнату шагами и бормотала что-то неразборчивое. Вдруг лицо девушки оживилось, словно ей в голову пришла какая-то мысль, и она радостно воскликнула:

– Есть хорошая идея, сеньора! Этой же ночью я выйду за стены монастыря и помогу вам. Но ради Бога и святой девы Энсины – постарайтесь успокоиться, потому что иначе вы себя убьете, и тогда, ей-богу, все получится ровно наоборот.

– Что ты собираешься сделать? – спросила ее хозяйка, изумленная как этой внезапной переменной, так и уверенностью девушки.

– Сейчас, – ответила та, – когда привратница пойдет готовить лампы для обители, я задержусь ненадолго у ворот, ну а дальше – это уже моя забота. Вы только не пугайтесь, когда я начну кричать и совершать безумства.

Сказав это, она выбежала из кельи, подпрыгивая как козочка, даже не попрощавшись со своей сеньорой. Ее предостережения определенно были бесполезны, поскольку через какое-то время по обители начали разноситься такие громкие крики и рыдания, что все монахини переполошились и вышли посмотреть, кто же является причиной этого шума. Это была ни больше, ни меньше как наша Мартина, которая с выражением лица и манерами заправской актрисы кричала истошным голосом:

– О, мой отец! Бедная я, несчастная, остаюсь без отца! Где же мать-настоятельница, которая позволит мне повидать отца перед смертью?

Бедная привратница следовала за ней, ошеломленная так, будто увидела ураган, налетевший сразу же, как только она отошла от своей двери.

– Но, девочка, – спросила она у горничной, – кто принес тебе эту плохую весть? Ведь когда я вернулась, я не видела и не слышала никого за воротами.

– Кто еще это мог быть, как не Тирсо, пастух моего зятя, – ответила та с неподдельной скорбью в голосе. – Он, бедолага, бежал сломя голову в Карраседо, чтобы попросить у аптекаря какое-нибудь средство для отца. Хорошо еще, что он забежал сюда по дороге! Но где же мать-настоятельница?

– Здесь, – ответила та, выйдя на шум, – но неужели ты собираешься идти прямо сейчас, когда солнце уже почти село?

– Да, сеньора, прямо сейчас, – ответила девушка торопливо, – потому что утром может быть уже поздно.

– И ты оставишь свою сеньору в таком состоянии? – удивилась настоятельница.

Донья Беатрис, которая тоже уже была там, ответила, опустив глаза и наклонив голову, чтобы спрятать лицо, горящее от первого обмана в ее жизни.

– Позвольте ей пойти, тетушка, поскольку бог даст ей еще много хозяев в ее жизни, а отца он дал ей лишь одного.

Тогда настоятельница согласилась, но ввиду позднего времени настояла, чтобы ее сопровождал сборщик монастырской ренты. Мартина хотела было избавиться от нежелательного свидетеля, но здраво рассудила, что отправляться в одиночку – значит дать повод для подозрений, рискуя потерять последний шанс для спасения своей обожаемой сеньоры. Поэтому она поблагодарила игуменью и, пока вызывали сборщика, удалилась со своей сеньорой в келью, чтобы подготовиться к неожиданному путешествию. Донья Беатрис спешно набросала несколько строк: «Дон Альваро, через три дня меня отдадут замуж, если вы или сам Бог не воспрепятствуете этому. Поступайте так, как велит вам ваша честь и моя, поскольку этот день станет для меня днем моей смерти».

Не успела она запечатать письмо, как пришли сказать, что сопровождающий Мартину уже ожидает ее, поскольку служители монастыря жили в домах неподалеку и были всегда под рукой. Донья Беатрис дала несколько золотых и серебряных монет своей служанке и наказала возвращаться поскорее, поскольку даже если она и может примириться с выдуманным поводом, ее благородная душа не способна внести свой вклад в то, чтобы этот обман не раскрылся.

Мартина, в которой было больше хитрости и лукавства, чем стеснительности, поспешила выйти из монастыря, продолжая притворяться убитой горем и выслушивая соболезнования

сборщика ренты, как будто действительно нуждалась в них. Место, в которое они направлялись, находилось совсем рядом с монастырем и называлось Валтуиль, сама Мартина была родом оттуда и там жила ее семья, но, тем не менее, когда они туда прибыли, уже начало темнеть. Там Мартина дала сборщику серебряную монету и распрощалась с ним под предлогом, что он уже не нужен и что она сама о себе прекрасно позаботится. Ввиду щедрости подношения признав эти доводы убедительными и дав напоследок несколько благоразумных советов, он повернул назад в Вильябуэну. По дороге сборщик придумывал, что ответить монахиням, если те спросят его о состоянии предполагаемого больного, и при этом иметь возможность отказаться от своих слов и рассказать правду в случае, если обман вдруг откроется. Но, к счастью, он смог уложить свой рассказ в несколько слов, пару многозначительных жестов и некое покачивание головой, победоносно выйдя из положения, тем самым сэкономив массу времени и сил, и в дальнейшем решительно придерживался этой линии.

Тем временем Мартина, опасаясь всего на свете, прокралась огородами и, перепрыгнув через забор, неожиданно появилась в доме своего зятя. Сестра и ее муж приветствовали девушку со всей сердечностью, на которую только можно рассчитывать и которую она, без сомнения, заслужила добротой и веселостью своего нрава. После приветственных объятий она спросила у зятя, есть ли сейчас в конюшне какая-нибудь кобыла.

– Есть, – ответил Бруно, а именно так звали этого деревенского жителя, – конечно, поскольку сейчас сезон выпаса, особого выбора нет, но, по-моему, одну только что привели с водополя в Карраседо.

– Не густо, – огорчилась девушка, – поскольку этой ночью нужно, чтобы нас двоих доставили в Бембибре.

– В Бембибре? – воскликнул крестьянин, – да ты с ума сошла, девочка!

– Нет, я в здравом уме, – ответила она. И поскольку была уверена в порядочности своих родственников, тут же стала рассказывать о событиях этого дня. Поскольку муж с женой были потомственными арендаторами у семьи де Арганса и, к тому же, их близкая родственница была там в услужении, они считали себя практически членами этой семьи и потому слушали рассказ Мартины с большим интересом. По ходу рассказа не было недостатка в возгласах типа: «бедняжка!», «проклятое тщеславие!», «пренебрегать таким человеком, как дон Альваро!», «подлый граф!» и других в том же духе, которыми они, как люди простые и малоимущие, в естественном порыве выражали свою любовь к донье Беатрис и дону Бембибре, и это говорило о том, что у молодых людей есть немало сторонников. После того как рассказ был окончен, сестра Мартины, подумав некоторое время, обескураженно сказала мужу:

– Ты понимаешь, что этот поступок может нам стоить пастбищ и земель, которые мы арендуем, и более того – мы наживем врага в лице одного из могущественных сеньоров.

– Женщина, – ответил ей бесстрашный Бруно, – как ты можешь рассуждать о землях и пастбищах? Как будто донья Беатрис нам чужая! И самое главное – большинство земель принадлежит сеньору де Арганса, так что нечего рассуждать, когда есть возможность сделать добро. Итак, девочка, – добавил он, ущипнув Мартину, – я иду запрягать кобылу, и ты увидишь, как она миглом домчит нас обоих по этим дорогам туда, куда нужно.

– Пойдем, и не думай, что у доньи Беатрис нет ни капли благодарности, – сказала горничная, тряся кошельком, который дала ей хозяйка. – Здесь больше золотых мараведи, чем ты за год зарабатываешь своим плугом.

– В данном случае, – ответил крестьянин, – пусть твоя хозяйка меня простит, но иногда бедняки делают добрые дела не из корысти, а только из удовольствия. Поэтому, если она станет крестной матерью нашего первенца, когда нам пошлет его Бог, я буду счастлив и буду считать, что мы в расчете.

Сказав это, он отправился, насвистывая народную песенку, на конюшню, где начал седлать кобылу, в то время как его жена, восхищенная решительностью мужа, с гордостью сказала своей сестре:

– Какой мужчина мой Бруно! Ради того, чтобы сделать доброе дело, он готов взлететь выше гор Агианы.

Тем временем Бруно вернулся с оседланной кобылой, войдя через калитку со стороны сада и стараясь шуметь как можно меньше. Сев на нее верхом и посадив Мартину впереди себя, он пообещал жене вернуться до рассвета и поскакал во весь опор. Кобыла оказалась животным выносливым и привычным к тяжелой ноше, и они скоро оказались на плодородных берегах реки Бембибре, купающихся в меланхоличном свете луны, который мерцал в водах Боэсы и других ее многочисленных притоков, по которым, как по венам, разливалась жизнь этой плодородной равнины. Поскольку уже наступила ночь, они, чтобы не разбудить жителей, свернули влево и, пройдя пешком по окраине городка, вышли к замку, который располагался на небольшой возвышенности. И живописный вид его разрушенных стен до сих пор царил над этим прекрасным пейзажем. В такое время все казалось погруженным в мертвую тишину, но шаги караульного по площадке у разводного моста, свет, который освещал комнату в башне и отражался в ее витражах, и тень, время от времени появлявшаяся в окне, давали понять, что не все обитатели замка смогли уснуть в эту ночь. Этот свет пробивался из комнаты дон Альваро, и именно его тень мелькала в окне. Бедному кабальеро не спалось уже несколько дней, по крайней мере, если он не изматывал себя во время охоты.

Наши путешественники подошли ко рву и окликнули караульного, сказав, что должны передать важное письмо дону Альваро. Командир охраны, увидев, что это всего лишь мужчина и женщина, приказал опустить мост и сообщить сеньору о визитерах. Миллан, как оруженосец, сразу же спустился вниз, чтобы встретить посетителей, которых не узнал, пока Мартина не ущипнула его со словами:

– Привет, сеньор бездельник! Каким образом можно познакомиться с их светлостью, который совсем не думает о бедных узниках, погибающих и почти похороненных!

– Это моя душа похоронена в прекрасных глазках этого личика, моя королева, – ответил он полушутливо-полустрастно. – Но какого черта тебя сюда занесло в такой час?

– Давайте, сеньор шутник, – ответила она, – покажите нам дорогу и отдайте своему хозяину избыток вашего любопытства.

Дон Альваро удивился не меньше, чем его оруженосец, хотя его преданное сердце обмерло в предчувствии. Ровно за день до этого он получил вести о войне, угрожающей Кастилии, которую вряд ли можно было избежать. Мысль о его отсутствии в этой ситуации еще больше обостряла его страдания. Мартина молча передала ему записку от своей хозяйки, которую он прочитал, смертельно побледнев при этом. Тем не менее, как мы не раз отмечали, он был не из тех людей, кто в случае, когда нужно действовать, замирает, сраженный горем. Поэтому, быстро написав ответ, он начал расспрашивать Мартину о том, знает ли она какой-нибудь способ проникнуть в монастырь.

– Да, сеньор, – ответила девушка. – Поскольку мне не раз приходило в голову, что с таким упрямым, как мой хозяин, однажды нам придется действовать вопреки его воле. Я осмотрела все дыры и трещины и обнаружила, что прутья решетки в том месте, где вода выходит из сада, почти сгнили, и, приложив немного усилий, их можно было бы сломать.

– Да, но, если твоя сеньора будет тем временем заперта в монастыре, нам это ничем не поможет.

– А вот и нет! – воскликнула хитрая крестьянка. – Сеньор, поскольку моя хозяйка любит гулять в саду до самого вечера, я каждый раз беру ключ у садовника и потом возвращаю ему, но обычно он просит меня просто повесить его на гвоздь. В любой день я могу оставить ключ себе, а на его место повесить другой, и мы сможем выйти в сад в удобное для нас время.

– Тогда скажи своей хозяйке, чтобы завтра в полночь ожидала меня у этой решетки. Пришло время выбираться из этого ада, в котором мы живем.

– Да поможет вам Бог! – ответила девушка проникновенным тоном, в котором по большей части угадывалось беспокойство за свою хозяйку, хотя и чувствовалась толика отвращения к монастырской жизни.

Они немедленно попрощались, поскольку у девушки уже почти не оставалось времени, чтобы до рассвета вернуться в Вильябуэну, как она планировала, а также из-за срочности сообщения, которое она несла от дон Альваро. Поэтому, как только она не без помощи рук Миллана взобралась в седло впереди доброго Бруно, они снова поскакали через пустынные поля, пока на рассвете не оказались на прохладных берегах Куа. Как раз зазвонили к заутрене, поэтому она вернулась как нельзя более кстати. Монахини немедленно окружили ее, расспрашивая с естественным любопытством, что же в итоге произошло.

– Должно быть, я – грешница, – отвечала она с досадой, – но тупость таких, как Тирсо... Он увидел, как мой отец упал с приступом, которые у него случаются время от времени, и очертя голову побежал сюда, взбудоражив всех, и дальше в Карраседо, куда его даже и не посылали. Нет, если в следующий раз они не выберут более толкового гонца, я не двинусь с места, даже если они все там умрут.

Сказав это, она направилась в келью своей сеньоры, оставив добрых монахинь обсуждать глупость пастуха и ее последствия. Конечно же, вся эта история была, как говорится, шита белыми нитками, и наверняка однажды бы вскрылась, но Мартина рассчитывала на то, что к этому времени и она, и ее сеньора будут уже в безопасности.

Глава X

Дон Альваро выехал из замка сразу же за Мартиной и, направившись в сторону Понферрады, поднялся на гору Аренас, затем повернул налево, пересек Боэсу и, не въезжая на территорию командорства, свернул на Корнатель. Он двигался по берегу реки Силь там, где она впадает в Боэсу, под первыми лучами рассвета, пересекая городки и долины, ласкающие взгляд путника, наполненные в этот час песнями бесчисленных птиц. Он проезжал то сквозь ореховую рощу, то через поле льна, голубоватые цветы которого напоминали воды лагуны, то через прохладные зеленые пастбища, а иногда и по дороге, затененной как занавесом виноградной лозой. Слева поднимались склоны гор, местами отвесные, а где-то пологие, которые формируют горный хребет Агианы. Их подножья покрывали виноградники, а справа до самой реки простирались зеленеющие тополиные рощи и сады. Воздух быстро и безмятежно рассекали стайки лесных голубей, напыщенные иволги и яркие сойки порхали среди деревьев, пестрые щеглы и наглые воробьи ходили вразвалку в зарослях ежевики. Деревенское стадо уже вышло на пастбище, позвякивая колокольчиками, и молодой пастух наигрывал на деревянной флейте легкую, нежную мелодию.

Если бы дон Альваро не был погружен в горе и тоску, которые отравляли его душу, он, без сомнения, наслаждался бы этим пейзажем, что столько раз пленял его чувства в более радостные дни. Но сейчас его единственным желанием было как можно быстрее достигнуть замка Корнатель и переговорить с комендантом крепости, командором Салданьей.

Наконец, повернув налево и въехав в глубокое овражистое ущелье, по дну которого бежал небольшой ручей, он увидел на вершине горы громаду замка, залитого солнечным светом, в то время как в окрестностях ущелья еще царил сумрак и клубился утренний туман. Караульный вышагивал вдоль стены, и при каждом шаге оружие в его руках отбрасывало яркие блики. Трудно представить себе более внезапную смену ощущений, чем та, которую испытывает путник, оказавшийся в этом глубоком ущелье: на фоне дикой и суровой природы этих мест сам замок, стены которого разрезают синеву неба, кажется узкой башней среди огромных холмов и скал, окружающих его. Хотя крепостной ров уже засыпан, а внутренние помещения обруши-

лись под тяжестью лет, сама крепость до сих пор еще стоит и представляет собой зрелище, которое издалека можно было увидеть и в ту пору.

Дон Альваро пересек ручей и начал взбираться по вьющейся по крутому склону дороге, которая после многочисленных поворотов закончилась у внешних построек замка. В душе он боролся со своими неопределенными надеждами и желаниями, но при этом был полон решимости принять любое предложение командора Салданы даже в том случае, если речь будет идти о чем-то большем, чем его собственная жизнь. Решив сохранить свои замыслы в тайне от всех и уверенный, что сдержанность и благочестие дяди не позволят оказать ему помощь, все свои чаяния и надежды он возлагал только на коменданта крепости Корнатель. С одной стороны, его собственный замок Бембибре не смог бы обеспечить необходимой секретности для совершения задуманного, что ставило под угрозу мир в этих спокойных землях, с другой – никакая завеса секретности не могла быть прочнее и надежнее, чем та пугающая таинственность, которая окружала все, что было связано с орденом.

Крепость Корнатель, Эль-Бьерсо, провинция Леон, IX в. Фото 2019 г.

Командор, следуя своей неискоренимой привычке, с рассветом был уже на ногах. Завидев кабальеро, поднимавшегося по склону, и узнав его, когда тот подъехал ближе, он вышел приветствовать столь знатного гостя с почти отеческим чувством, поскольку, как и все тамплиеры, видел в нем надежную опору своему ордену в этих землях. Это был дон Гуттиэре де Салданы, мужчина уже в годах, обычного телосложения, и хотя волосы и бороду уже посеребрила седина, движения его были сильными и ловкими как у юноши. Его лицо вселяло бы лишь благоговение, если бы не тревога и беспокойство, лишавшие этот римский профиль безмятежности и покоя, которые столь естественно украшают всякую старость. У него были миндалевидные живые глаза и взгляд невероятной силы, а на его высоком лбу, как в зеркале, отражались мысли, словно грозовые тучи над горами, которые иногда рассеиваются, разгоняемые ветром, а иногда разражаются грозой, пугая всю равнину. Любой, увидев его, сказал бы, что страсти разрушили эту природную силу и энергию, но из тех страстей, что будоражили его в юности, столь загадочной и неизвестной для всех, осталась, будто дама его сердца, лишь одна, глубокая и бездонная как пропасть. Этой страстью была его любовь к своему ордену и желание приумножить его славу и богатство, не стесняясь в выборе средств для достижения этого. Вся свою жизнь он провел в Святой земле, в бесчисленных битвах с неверными, в междоусобных рас-

прях с рыцарями Святого Иоанна¹¹ и князьями, наносивших столь свирепые удары по власти христиан в Сирии¹², и завершил военную карьеру на руинах Сен-Жан д'Акр, или Птолемаиды, последнего оплота святого креста в тех дальних краях. Тогда он вернулся в Испанию, на свою родину, с израненной бунтующей душой, думая о Святой земле, навсегда потерянной его братьями, и борясь с теми пороками, в которых не без оснований обвиняли воинов Храма. Однако, поскольку Европа довольно прохладно взирала на заморские завоевания, ему казалось, что только тамплиеры сохраняли веру в подобные замыслы. Тогда в бреду своего негодования и гордыни командор начал представлять себе, как вся Европа, превращенная в монархию под властью Великого магистра, под звуки труб ордена снова двинется, воодушевленная единой волей, спасти Гроб Господень. Пример тевтонских рыцарей в германских землях разжег его пылкую фантазию и снова повернул его взор к Иерусалиму. Он неустанно трудился над расширением своего братства и искал союзников и поддержку везде, где только можно, поэтому друзья превратились для него в любимых детей, а их противники – в ненавистных созданий, порожденных самим адом. Это была душа угрюмая и отчаянная, ожесточенная неудачами, но при этом далекая от самоотречения и покорности, истинный представитель своего ордена, движимый мстостью и гордыней – самыми сильными мотивами всех его действий. Но, как бы то ни было, вера все еще озаряла эту пропасть, хотя свет ее только еще больше подчеркивал мрак в его душе.

Этот необыкновенный человек любил дона Альваро всей душой не только за поддержку ордена, но и за рыцарские качества и острый ум. Казалось, что в этой благородной и мужественной фигуре ему виделось отражение своих собственных юношеских дней. Вплоть до того, что в его голосе была заметна плохо скрываемая страстная горячность благородного молодого человека, что было необычно для его сурового и угрюмого характера. Недавние события во Франции добавили последние штрихи к его странным замыслам, поскольку, по его понятиям, бросив вызов королям, могущественный орден тамплиеров обязан будет вступить в великую битву, которая должна привести к полному покорению Европы и вслед за этим к освобождению Иерусалима. Однако сколько бы мрак гордыни и заблуждений не затмевал его рассудок, временами истина посылала ему луч света, хотя и слишком слабый, чтобы развеять эту темноту, но вполне достаточный, чтобы заронить в его душе подозрение и беспокойство. Поэтому он стал более хмурым и менее дружелюбным, чем обычно, и, то ли из уважения к его раздумьям, то ли по менее благочестивым причинам, рыцари и кандидаты старались избегать разговоров с ним.

Итак, командор прохаживался в одной из западных башен, когда своим орлиным взором и со своей привычкой различать объекты на больших расстояниях в бескрайних пустынях Сирии заметил нашего кабальеро, который вместе со своим оруженосцем быстро поднялся по каменистому склону, ведущему к замку. Командор спустился прямо к воротам, чтобы встретить его, не столько из учтивости, приличествующей его сословию, сколько из искренней сердечности, которую всегда в нем вызывал этот молодой человек.

– Откуда вы так рано, добрый рыцарь? – спросил он, крепко обнимая дона Альваро.

– Из моего замка в Бембибре, – ответил кабальеро.

– Из Бембибре! – воскликнул комендант восхищенно. – То есть вы хотите сказать, что ехали всю ночь, а значит, ваша спешка, должно быть, связана с чем-то очень важным и безотлагательным.

---

¹¹ Орден Святого Иоанна (Орден госпитальеров, в наст. время Мальтийский орден) – старейший рыцарский орден, основанный в 1099 г.

¹² Противоречия между двумя рыцарскими орденами нередко выливались в открытые вооруженные конфликты. Наиболее тяжелым стало открытое противостояние в Войне Святого Саввы (1256–1270) в Акре и других христианских городах Палестины между геноузцами (на стороне которых сражались рыцари-госпитальеры) и венецианцами (союз с которыми заключили тамплиеры), что привело к значительному ослаблению власти христиан в Палестине.

Дон Альваро утвердительно кивнул головой, и старик, окинув его изучающим взглядом, сказал:

– Ради Гроба Господня, у вас такое выражение лица, как у тамплиеров в тот день, когда нас выслали в Европу! Что произошло за этот месяц, что я вас не видел?

– Я и сам не знаю, как объяснить вам это, – ответил дон Альваро, – особенно здесь, – добавил он, бросая взгляд вокруг.

– Да, да, вы правы, – ответил Салданья и, схватив его за руку, поднялся с ним на ту башню, в которой был до этого.

– Так что же случилось? – опять спросил командор.

Вместо ответа молодой человек достал из-за пазухи письмо доньи Беатрис и протянул ему. Поскольку оно было коротким, командор одним взглядом пробежал его и, нахмутив брови, сказал почти свирепо, хотя и тихо:

– Тьфу ты, пропасть! Вот же подлецы! Зачем они хотят загнать нас в угол и к тому же разбить сердца людей, которые во всем превосходят их самих? Ну и что вы надумали? – спросил он дон Альваро.

– Я задумал вырвать ее из этого монастыря, даже если для этого мне придется биться со всеми рыцарями Кастилии, но привезти ее в мой замок – это значит подвергнуть ее огромному риску, вот почему я и решил просить вашей помощи и совета.

– Ни того, ни другого делать нельзя. Вам нужно действовать осторожно, поскольку если вы привезете ее в свой замок, то либо будете вынуждены открыть двери любому, кто будет искать ее, либо разгорится война, которая принесет много невзгод вашему дяде и сейчас вообще никому не пойдет на пользу.

– Если бы я мог спрятать ее поблизости, пока уляжется первая суматоха, – продолжил дон Альваро, – потом я бы смог переправить ее в монастырь Пуэбла-де-Санабрия, где служит настоятельницей одна моя родственница.

– В таком случае, – ответил Салданья, – привозите ее в Корнатель, потому что если начнут искать, здесь ее никто не найдет. Неподалеку от ручья в зарослях кустарника рядом с каменным крестом находится вход в шахту, через которую вы сможете пройти в замок. В мои покои никто не входит, и никто ее не обнаружит. Но, как сказано в письме, вам нужно действовать быстро, чтобы предотвратить то, что должно свершиться завтра.

– В таком случае, – ответил дон Альваро, – я собираюсь сделать это прямо сегодня ночью. И рассказал ему о визите Мартины и выработанном с ней плане, который показался командору довольно разумным.

Оба стояли молча, словно поглощенные созерцанием того великолепного вида, который открывался с этой небольшой узкой крепости, похожей на орлиное гнездо, царящее над равниной. С восточной и западной сторон она была окружена отвесными скалами и глубокими ущельями, по дну которых с глухим и далеким шумом, казавшимся непрерывным стоном, бежал ручей, который только что пересек дон Альваро. На северо-западе можно было увидеть часть заросшего деревьями берега реки Силь, за ним простиралась равнина Бьерсо с ее лесами и пастбищами, упираясь в горы, венчавшие этот прекрасный плодородный амфитеатр. Слева от подножия горного хребта среди бесчисленных роц и садов бежала река Куа, словно целуя развалины античного Бердигума и омывая стены монастыря Карраседо. И наконец, к западу простиралось голубое прозрачное озеро Каруседо, гораздо более полноводное, чем в наши дни, как будто служившее зеркалом для лесов, мягко опоясывавших его, и всего того, что украшало его берега. У самого края воды росли могучие дубы со склонившимися как у ив ветвями, которые сохранились до сих пор, стройные тополя, раскачивающиеся при малейшем дыхании ветра, и крепкие каштаны с круглыми кронами. Время от времени стая диких уток и цесарок пролетала над ними, медленно описывая круги, а затем то бросалась в заросли камыша на берегу, то взлетала, исчезая, к алеющим вершинам Лас-Медулас.

Озеро Каруседо. Фото 2019 г.

Взгляд Салданы был прикован к озеру, в то время как дон Альваро, вглядываясь в берега реки Куа, безуспешно пытался разглядеть очертания монастыря Вильябуэна, скрытого за лесами.

– Блаженны берега Мертвого моря! – вздохнул в конце концов старый командор. – Насколько же более восхитительны и благословенны для меня их пески, чем свежесть и цветущий вид этих нарядных берегов!

Это резкое восклицание, обнажившее суть долгих размышлений командора, вывело дону Альваро из его задумчивости.

Приблизившись к тамплиеру, он спросил:

– Вы не верите в то, что кони рыцарей Храма еще вернутся напиться воды из Кедрона¹³?

– Верю ли я! – воскликнул рыцарь громовым голосом. – Что еще, кроме этой уверенности, поддерживает костер моей юности под снегом моих седин? Для чего еще я держу при себе этот меч, как не ради надежды смыть с него ржавчину унижения в водах Иордана и не ради победы.

– Признаюсь, – ответил дон Альваро, – что, увидев грозу, которая, судя по всему, надвигается на вас, я временами начинаю сомневаться не только в будущей славе, но даже в самом существовании вашего ордена.

– Да, – с горечью ответил храмовник, – это та награда, которую даровал Филипп во Франции тем, кто спас его из лап мятежной толпы. Такую же, без сомнения, нам готовит король дон Хайме¹⁴ за то, что мы вырастили в нашем гнезде орла, который в победном полете приземлился на мечети Валенсии и горы Майорки¹⁵. Возможно, то же самое Фердинанд IV припас для тех единственных рыцарей, кто не встал в один ряд с голодными кастильскими волками, нападавшими на его плохо охраняемое стадо. Но мы выйдем из тени клеветы, как солнце выходит из сумрака ночи, мы уничтожим высокомерных и возвысим смиренных, мы соберем весь мир у подножия Голгофы и там для нас начнется новая эра.

---

¹³ Название ручья, упоминаемое в Библии, протекающего между Иерусалимом и Елеонской горой и впадающего в Мертвое море.

¹⁴ Хайме II Король Майорки (1243–1311) – сын Хайме I Завоевателя.

¹⁵ Речь идет о Хайме I Завоевателе (1208–1276), который с 1214 г. находился под опекуном ордена тамплиеров. Завоевал Балеарские острова и Валенсийское мусульманское государство.

– Вы слышали когда-нибудь рассуждения моего дяди?

– Ваш дядя – кристально чистая звезда на небосклоне нашего ордена, и возможно, он прав, – ответил командор, – но при этом он забывает, – добавил он с гордым воодушевлением, – что первый дар божий – это ценность, которая еще живет в сердцах тамплиеров как в святая святых. Возможно, это правда, что гордыня развратила нас. Но кто пролил больше крови во славу Бога? Где ждали нас тепло домашнего очага, благородный пыл познания и монастырский покой? Что нам оставалось, если не могущество и слава? Какова бы ни была наша вина, мы снова смоем ее кровью и нашими слезами на руинах дворца Давида. И кто они – эти жалкие черви, что оставили Гроб Господень в руках неверных, чтобы судить нас, тех, которым едва хватило всех сил рая и ада, чтобы изгнать их с тех берегов?

Затем, помолчав некоторое время, он взял за руку своего собеседника и произнес почти растроганно:

– Дон Альваро, ваша душа благородна и вы все понимаете, но вы не знаете, что значит быть хозяевами этой чудесной земли и потерять ее. Вы не можете представить себе Иерусалим в расцвете его славы и величия. И сейчас, – продолжил он со слезами на глазах, – сейчас эта земля, оставшись в одиночестве, непрерывно рыдает в ночи, и слезы катятся по ее щекам. И лютни менестрелей, и арфы пророков смолки, и теперь и те и другие стонут под шум ветра в ивах Вавилона. Но мы вернемся из изгнания, – добавил он почти триумфально, – и вновь возведем эти стены с мечом в одной руке и мастерком в другой и будем петь песнь Моисея у подножия креста, на котором умер Сын Божий.

Своим пылающим, изборожденным годами лицом, благородной фигурой, в прекрасном белом одеянии, что так подходило его возрасту, воодушевленный огнем подлинной страсти и глядящий на пропасти Корнателя, которые своей глубиной и мраком могли сравниться с долиной смерти, он был подобен пророку Иезекиилю, призывающему мертвых из их гробниц на Страшный суд. Дон Альваро, которого так легко было покорить благородными эмоциями, крепко сжал руку старика и сказал потрясенно:

– Блажен тот, кто вносит вклад в святое дело. Вы всегда можете рассчитывать на мой меч.

– Вы многое можете сделать! – ответил Салданья. – Да увенчает Бог наши благородные старания!

Затем они спустились в покои командора, которые состояли из нескольких комнат с грубыми каменными стенами, в одной из них находилась лестница, ведущая в шахту. Салданья передал дону Альваро ключи от ворот и наружной двери и, спустившись вместе с ним, показал все подземные ходы и галереи. Вернувшись в покои, они скромно поужинали, и на закате дон Альваро со своим оруженосцем уехали. Салданья предложил ему в помощь несколько верных копейщиков для сопровождения, но молодой человек благоразумно отказался, убедив командора, что он больше рассчитывает на хитрость удара, нежели на его силу, и все, что привлечет внимание, может повредить успеху дела. Таким образом, он направился вдвоем со своим оруженосцем к берегу реки Силь, которую пересек на лодке из Вильядепалос. Затем он углубился в поля, занимавшие большую часть Бьерсо, и, сделав большой крюк, чтобы избежать пути через Карраседо, к ночи добрался до Вильябуэны.

Глава XI

Теперь настало время вернуться к донье Беатрис, чье положение, несомненно, было самым отчаянным и ужасным. Лихорадочное нервное возбуждение, вызванное ее тяжелым разговором с отцом, и неотвратимость опасности придали ей сил отважиться на любую крайность, чтобы избежать тех бед, которые ей угрожали. Однако, как только Мартина исчезла, чтобы доставить ее письмо, и это нервное возбуждение прошло, сменившись подавленностью, она начала воспринимать свои поступки в ином свете, переживая как из-за того, что должно было случиться, так и из-за того, что уже случилось, и нашла тысячу сомнений и препятствий там, где раньше ее страсть видела только решимость и пути без преград. Она не стыдилась того, что в день своего заточения попросила дону Альваро о встрече в церкви, поскольку этот шаг был направлен на то, чтобы удержать возлюбленного в пределах, которые предписывает им долг, и склонить его к уважению всего того, что исходит от ее отца. Тогда ее решение определяли мир в этих краях и ее собственные убеждения, но сейчас она призывала дону Альваро к тому, чтобы, возможно, разжечь эту войну, доверившись защите своего возлюбленного, к тому, чтобы броситься на берег своего будущего без поддержки своего отца и благословения своей матери. Это был первый акт ее неповиновения, первый шаг с проторенного пути простого выполнения своих обязанностей. Но склонность к жертвенности, которая гнездится в благородных душах, опять подняла голову, чтобы упрекнуть ее в том, что, заботясь исключительно о своем счастье, она не подумала об одиночестве и скорби, которые отравили бы последние дни ее престарелых родителей. Чувство вины охватывало ее, когда она представляла себе, как ее бедная мать, такая больная и ранимая, протягивает руки к дочери, которой не будет рядом, чтобы закрыть ей глаза и услышать последний вздох.

Конечно, все ее намерения разбились бы о подобные размышления, если бы они были единственными в ее воображении. Но живая обида, которую причинила жестокость отца и холодность графа, разрушительные замыслы которого не могла скрыть никакая учтивость, возвращали ей присутствие духа, столь необходимое в решающий момент. И тогда в ее воображении появлялась благородная и печальная фигура дону Альваро, который приходил, чтобы

напомнить об их клятвах, и упрекал ее с язвительной усмешкой в том, что она сделала с его страстью, его глубоким обожанием, с которым он всегда поклонялся ей, и тотчас же ее прежние чувства уступали тем, что так просто и естественно нашли место в ее сердце. Таким образом сомнения, страхи, решительность и раскаяние боролись в ее мятущейся, печальной душе.

Возвращение Мартины, которая столь быстро и изобретательно выполнила свое трудное поручение, напугало донью Беатрис больше, чем обрадовало, поскольку означало, что этот чудовищный кризис подошел к своему финалу. Служанка весело и жизнерадостно поведала обо всех подробностях своего путешествия, в заключение сказав, что сегодня в полночь дон Альваро будет ждать их у решетки в саду и они все вместе отправятся туда, где Бог вознаградит их, потому что, как говорит сеньор де Бембибре, все это слишком невыносимый ад для троих одиноких людей.

Донья Беатрис в это время нервно ходила по комнате, скрестив руки на груди и время от времени поднимая глаза к небу, потом повернулась к Мартине и, нахмурившись, спросила:

– И как ты, сумасшедшая, безрассудная, могла предложить ему такой план? Ты полагаешь, что все это – детские игры?

– Я – нет, – непринужденно ответила девушка, – так полагает упрямство вашего отца и этого дельца из Галисии. Это они смотрят на все как на детскую игру, накидывают вам аркан на шею и насильно тащат вас за собой. Посмотрите, какая красота будет в доме: жена, плачущая по углам, и муж, плетущий интриги и бранящийся, если они не удаются!

Донья Беатрис, представив эту картину так же ярко, как и саму судьбу, которая была ей уготована, подняла глаза к небу, заламывая руки, а Мартина добавила с досадой, хотя и с нотками нежности в голосе:

– Давайте, давайте, здесь Бог не поможет! С этими бедами на вас и так уже лица нет, краше в гроб кладут. Сегодня ночью мы избавимся от этой печали, и вы увидите, какую корриду мы устроим на этих божьих полях. Я пообещала святой деве Энсине фунт воска, если у нас все получится.

Однако всех этих слов, что вихрем слетали с розовых уст девушки, было недостаточно, чтобы вывести донью Беатрис из состояния тревожной и печальной рассеянности. Когда наступил вечер, а они и не собирались покидать свою келью, служанка дала ей понять, что вряд ли они выполнят свои намерения, если не выйдут в сад. Тогда сеньора резко поднялась, словно в ней пришла в движение какая-то пружина, и, будто отбросив все неуместные размышления, стремительно направилась к месту своих обычных прогулок.

Стоял чистый и теплый вечер, и ветерок, лениво пробегая среди деревьев, вызывал легкий шелест их листьев. Солнце клонилось к закату среди разноцветных туч и раскрашивало оттенками мягкого и нежного света ближайшие холмы, кроны деревьев и крышу фабрики монастыря. Горлицы ворковали в листьях каштанов, а в рокоте реки Куа было что-то лениво успокаивающее и склоняющее душу к размышлениям. Трудно было представить без нежности эту меланхоличную и безмятежную сцену, и эмоциональная душа доньи Беатрис предалась печали со всей тоской израненного сердца.

Конечно, не так много радостных дней она провела в этом спокойном убежище, но любовь, с которой ее здесь встретили, и благодать святой тиши монастыря, утешавшая ее душу, пленили ее. Кто знает, что уготовило им будущее в дальних краях? Донья Беатрис сидела возле тополя и оттуда, словно на прощание, бросала печальные взоры на эти места, что стали свидетелями и спутниками ее скорби, на цветы, за которыми сама ухаживала, на птиц, которым не раз приносила корм, и на ручьи, которые так сладко и нежно журчали. Поглощенная этими печальными мыслями, она не заметила, что солнце зашло и пение птиц смолкло, пока монастырский колокол не зазвонил к молитве. Его звон, который одиноко разливался в тишине, растворяясь в сумраке, напугал донью Беатрис, словно услышав его, она получила предостережение небес, и, повернувшись к служанке, она произнесла:

– Ты слышишь, Мартина? Это глас Божий, который говорит: «Слушайся отца своего». Как мне могла прийти в голову мысль попросить о помощи дона Альваро?

– Знаете, что слышу я? – ответила девушка с оттенком раздражения в голосе. – Ни больше ни меньше как знак, что вы должны пойти в свою келью и попытаться немного поспать, чтобы набраться рассудительности и решимости.

– Я говорю тебе, – перебила ее донья Беатрис, – что я не убегу с доном Альваро.

– Хорошо, хорошо, – ответила служанка, – только тогда пойдите и скажите ему об этом сами, то-то он обрадуется. А что касается меня, то после такой гонки по этим дорогам на мне и живого места не осталось, и к тому же, кажется, начался жар. Упаси меня бог от такой работы!

С этими словами они вошли в монастырь, и Мартина отправилась в келью садовника, где провернула трюк с заменой ключа, несмотря на запрет своей хозяйки.

Последние майские ночи коротки, и, не заставив себя долго ждать, часы монастыря пробили полночь. К этому времени старательная Мартина провела разведку по темным закоулкам монастыря и, вернувшись к своей хозяйке, сказала:

– Пойдемте, сеньора, я уверена, что он уже взломал решетку и ждет нашего появления как манны небесной.

– У меня нет сил, Мартина, – ответила донья Беатрис подавленно, – лучше будет пойти тебе одной и передать ему мое решение.

– Я?? – разозлилась Мартина. – Это была бы неплохая миссия! Конечно, я – женщина, а он – один из самых любезных рыцарей, но лучше я вырву себе язык. Пойдемте, сеньора, – добавила она с нетерпением, – вы, видимо, плохо знаете льва, с которым играете. Если мы еще задержимся, он способен прийти прямо в эту самую келью, сметая все на своем пути. И тогда вы погубите нас троих!

Донья Беатрис, столь же напуганная, сколь и поработанная своей страстью, вышла из комнаты в сопровождении своей служанки. Они на ощупь дошли до калитки в сад и, осторожно отперев ее и снова закрыв за собой, спешно дошли до того места, где вытекает вода для полива. Поскольку решетка, вся изъеденная ржавчиной, стояла тут еще со времен Бернардо Подагрика, то такому крепкому мужчине, как дон Альваро, не составило большого труда вытащить прутья и освободить проход для одного человека, и поэтому, когда девушки прибыли, дон Альваро был уже внутри. Он молча взял руку доньи Беатрис, которая казалась ледяной, и сказал:

– Все готово, сеньора. Доверьтесь мне.

Донья Беатрис ничего не ответила, и дон Альваро воскликнул в нетерпении:

– Ну что же вы? Как вы думаете, сколько времени у нас в запасе?

– Но, дон Альваро, – спросила она, – куда вы хотите отвезти меня, чтобы выиграть время?

Рыцарь объяснил ей быстро, но довольно четко весь придуманный и согласованный план, но, когда он закончил, донья Беатрис продолжала хранить молчание. Тогда беспокойство и тоска стали овладевать сердцем дон Альваро, который молча смотрел на донью Беатрис, не отрывавшей свой взгляд от земли. Наконец, пытаясь заглушить свои опасения, он спросил дрожащим голосом:

– Донья Беатрис, ответьте мне с вашей обычной искренностью. Вы, быть может, передумали?

– Да, дон Альваро, – ответила она потухшим голосом, не осмеливаясь поднять на него взгляд, – я не могу бежать с вами, не опозорив моего отца.

Он выпустил ее руку, будто внезапно между ними появилась ядовитая змея, и, устремив на нее почти свирепый взгляд, произнес твердо и почти язвительно:

– И что же вы тогда хотели сказать вашим странным скорбным посланием?

– Ах, и вы таким образом хотите упрекнуть меня в моей слабости? – ответила она мягко и расстроено.

– Простите меня, – ответил он, – но, когда я думаю, что могу потерять вас, мой разум отказывает мне, а горе заставляет забыть о благородстве. Но скажите же, скажите мне, – продолжил он, бросаясь к ее ногам, – что ваши губы солгали, когда говорили, что вы хотите отказаться от меня. Разве вы не пойдете со мной, мужем вашего сердца? Это же не могло быть просто мимолетным увлечением.

– Но это не может быть верным решением.

– Вы хорошо подумали? – воскликнул дон Альваро. – Вы понимаете, что завтра они придут за вами, чтобы отвести вас под венец и вырвать из ваших уст роковое согласие.

У доньи Беатрис вырвался глухой стон, она заломила руки и прошептала:

– Я не подчинюсь моему отцу.

– И тогда отец проклянет вас, вы же сами слышали это из его уст.

– Это правда, правда! – воскликнула она испуганно. – Он говорил именно это. – Ах, – добавила она подавленно, – тогда пусть исполнится его воля и воля Божия.

Стоявший до сих пор на коленях дон Альваро, услышав это, поднялся с земли и, будто превратившись в слиток раскаленного железа, предстал перед ней с жестоким и мрачным видом, глядя на нее сверху вниз убийственным взглядом. Обе девушки застыли в потрясении, пока наконец Мартина не сказала своей хозяйке еле слышно:

– Что вы наделали, сеньора?

Дон Альваро, сделав над собой то усилие, которое могут позволить себе лишь натуры энергичные и возвышенные, сказал с ироничной холодностью и надменностью, которая, словно меч, проткнула сердце несчастной:

– В таком случае мне остается только попросить у вас прощения за те неприятности, которые причинила вам моя назойливость, и отдать дань почтительного уважения вашей светлости, графине де Лемус, да пошлет вам небо благополучие и процветание.

Глубоко поклонившись, он было уже собрался развернуться, но донья Беатрис, схватив его за руку с неожиданной силой, хрипло произнесла:

– О, только не это, дон Альваро! Проколите меня кинжалом, если хотите, мы здесь одни, и никто не обвинит вас в моей смерти, но не обращайтесь со мной таким образом, это в тысячу раз хуже всех мучений ада.

– Донья Беатрис, готовы ли вы довериться мне?

– Послушайте, дон Альваро, я вас люблю, я вас люблю больше чем свою душу и никогда не буду принадлежать графу, но не смотрите на меня таким взглядом.

– Хотите ли вы довериться мне и стать моей женой, женой человека, для которого в мире не существует других женщин, кроме вас?

– Ах! – ответила она печально, почти лишившись чувств. – Да, с вами, с вами до смерти, – и упала в обморок на руки Мартины и дон Альваро.

– И что мы будем теперь делать? – спросил кабальеро.

– Что нам еще делать, – ответила служанка, – как не устроить ее впереди вас на лошади и отправляться отсюда как можно быстрее. Давайте, давайте, или вы не слышали ее последние слова? Что еще у вас есть более свободное чем язык, как не ловкие руки.

Дон Альваро рассудил, что благоразумнее всего – последовать ее совету, и, разместив девушку на своей лошади с помощью Миллана и Мартины, помчался галопом по пустынным полям, а оруженосец и служанка последовали его примеру. Благородный Альманзор, будто осознав ценность своей ноши, казалось, удвоил свои усилия, он бежал, горделиво красуясь, время от времени оглашая окрестности радостным ржанием. Вихрем домчались они до моста через реку Куа и пересекли его, поскакав по противоположному берегу с той же скоростью.

Свежий ночной ветер и стремительность скачки постепенно вывели из обморока донью Беатрис, которая, держась за руку возлюбленного, ласковую и сильную одновременно, казалась перенесенной в иную реальность. Ее волосы от скачки распустились и развевались вокруг

головы дон Альваро ароматным нимбом, время от времени легко касаясь его лица. Белое легкое платье доньи Беатрис сильнее выделялось в свете луны, чем темные доспехи дон Альваро, появляясь и исчезая среди деревьев словно зарница в небе среди туч, и казалось, будто сильфида скачет верхом на сказочном гиппогрифе¹⁶. Дон Альваро, поглощенный своим счастьем, не заметил, как они оказались рядом с монастырем Карраседо, когда внезапно черно-белая тень возникла посреди дороги и властным грозным голосом воскликнула:

– Куда направляешься, похититель девиц?

Конь, несмотря на свою смелость, остановился, и донья Беатрис и ее служанка резким толчком были сброшены на землю, при этом первая окончательно пришла в чувство от этого жуткого возгласа, а вторая почти лишилась чувств просто от страха. Дон Альваро, взревев от ярости, схватился за меч и, вонзив шпоры в коня, бросился на призрака, в котором с удивлением узнал настоятеля монастыря Карраседо.

– Не иначе как, – сурово произнес аббат, – сеньор де Бембибре превратился в ночного разбойника!

– Святой отец, – перебил его дон Альваро, – вы знаете, с каким уважением я отношусь к вам и к вашему святому облачению, но ради бога и во имя мира позвольте нам продолжить наш путь. Я не хочу запятнать свою душу кровью жреца Всевышнего.

– Горячий юноша, который не уважает даже святости дома господня, – ответил монах, – как ты мог подумать, что я не опасался твоих неразумных поступков и не попытался бы дать им отпор?

– И сделали вы это совершенно напрасно, – ответил дон Альваро, заскрежетав зубами, – какое право у вас есть на эту даму или на меня?

– Донья Беатрис, – ответил аббат спокойно, – находилась в доме, где я осуществляю законную власть, и вы забрали ее оттуда обманным путем. Что касается вас, то моя тонзура вам скажет больше, чем мои слова.

Тогда дон Альваро соскочил с коня, вложил меч в ножны и, попытавшись успокоиться, сказал ему:

– Вы же видите, святой отец, что все дороги к примирению и взаимному согласию закрыты. Никто больше чем вы не может судить о моих намерениях, поскольку несколько дней назад я открыл вам свою душу, как если бы говорил с вами на исповеди, так будьте же великодушны, защитите страдающих и помогите беглецам, не сворачивайте с пути добродетели и не разрушайте надежду двух душ, которые вновь соединило то же самое чувство, что зародилось в них до разлуки.

– Вы силой похитили благородную девушку из убежища, где она была под защитой, а это чудовищный поступок и в глазах Бога, и в глазах людей.

Тогда донья Беатрис вышла вперед и со своей обычной очаровательной скромностью мягко сказала:

– Нет, отец мой, я сама просила его о помощи, положившись на его храбрость, и сама бросилась в его объятия. И вот я здесь.

Потом она быстро, но при этом горячо и страстно пересказала события в комнате для приемов в монастыре, свое отчаяние, свои сомнения и тревоги и, вдохновленная этим рассказом, в заключение, в отчаянии схватившись за образок монаха, воскликнула:

– Святой отец, освободите меня от моего отца, освободите меня от этого несчастного, у которого я украла его покой, а более всего – освободите меня от меня самой, поскольку мой разум окружен мраком и моя душа сбилась с пути в бездне страданий, что меня окружают столько времени.

---

¹⁶ Гиппогриф – волшебное существо, полуконь-полугрифон.

Все погрузились в глубокое молчание, пока аббат не прервал его своим тревожным хриплым голосом, хотя и дрожащим из-за невольной нежности, которую он испытывал:

– Дон Альваро, – сказал он, – донья Беатрис останется со мной, чтобы вернуться в свой монастырь, а вы вернетесь в Бембибре.

– Чтобы попытаться вырвать ее из моих рук, вы должны прежде отобрать мою жизнь. Позвольте нам ехать нашей дорогой и, если вы не хотите содействовать делу любви, не провоцируйте гнев тех, кто уважал вас даже в вашей несправедливости. Отойдите, говорю я вам, или клянусь, я снесу все на своем пути, включая само святейшество вашей персоны.

– Несчастный! – ответил старик. – Твоя душа ослеплена безумным обожанием этого создания. Срази меня, и моя кровь будет преследовать тебя, взывая к отмщению, как кровь Авеля.

Дон Альваро, вне себя от гнева, приблизился, чтобы вырвать донью Беатрис из рук аббата, готовый, если понадобится, прибегнуть к насилию, но тут она вмешалась и спокойно произнесла:

– Остановитесь, дон Альваро. Все это было не более чем сон, но сейчас я проснулась и хочу вернуться в Вильябуэну, откуда никогда и не должна была уезжать.

Оцепенев от ужаса и будто окаменев в своей яростной вспышке, дон Альваро только и смог глухо вымолвить:

– Так-то вы решили?

– Именно так я и решила, – ответила она.

– Донья Беатрис! – воскликнул дон Альваро таким тоном, словно тысячи мыслей одновременно беспорядочно металась в его душе, и, будто так и не доверившись своим силам, он смог лишь сказать:

– Донья Беатрис... прощайте!

И поспешно направился к своему коню.

Несчастливая девушка разразилась горькими рыданиями, как будто в это мгновение обрывалась единственная нить, связывающая ее со счастьем. Тогда настоятель, проникшись состраданием, стремительно подошел к дону Альваро и, схватив его за руку, как будто вопреки своему желанию, подвел его к донье Беатрис.

– Вы не уедете таким образом, – сказал он, – я не хочу, чтоб вы уезжали с сердцем, полным ненависти. Неужели у вас нет веры ни в мои седины, ни в клятву вашей дамы?

– У меня осталась только вера в копыта мавров и в то, что Бог дарует мне смерть истинного рыцаря и христианина.

– Послушай, сын мой, – добавил монах с большей нежностью, чем можно было ожидать от его мрачного и сурового характера, – ты заслуживаешь более счастливой судьбы, и одному богу ведомо, как меня печалит твои страдания. Большой счет предъявит суд его тем, кто разрушает творение божье. Поскольку здесь я – его посланник и исполнитель духовной воли, я не позволю вам участвовать в этой злополучной кампании, источнике ваших несчастий. Я видел, чем тебе приходится расплачиваться за своё благородство, и во мне ты всегда найдешь поддержку. Ты одинокая и заблудшая овца, но я тебе подставлю свое плечо и дам тебе утешение.

– А я, – сказала донья Беатрис, – здесь, перед служителем алтаря, еще раз дам вам клятву, которую уже давала, и меня не заставит ее нарушить даже проклятие моего отца. О, дон Альваро! Ну почему вы хотите расстаться со мной в таком гневе? Неужели те мучения из-за вашей любви, от которых я страдала и страдаю сейчас, ничего не значат для вас? Это и есть то доверие, с которым вы относитесь к моим нежным чувствам? Разве вы не видите, что если моя решимость пошатнулась, то это потому, что мои силы слабеют, а мой разум помутился от всех мучений, от которых я бесконечно страдаю, я, несчастная женщина, брошенная всеми, без какой-либо другой поддержки кроме Бога и вас?

Злость донна Альваро превратилась в нежность, когда он понял, что их разоблачение аббатом вызвано его отеческой заботой, а неожиданная перемена решения доньи Беатрис сменилась на ласковые возражения. По натуре своей он был мягким и сдержанным, и эта вспышка ярости и жестокости, случившаяся минуту назад, была следствием тех неудач и разочарований, которые его окружали со всех сторон.

– Вам хорошо известно, досточтимый сеньор, – сказал он аббату, – что мое сердце не свернуло с тропы уважения, но людская несправедливость толкнула меня на этот поступок. Они хотели похитить ее у меня, а это – невозможно, но если вы обещаете выступить посредником и вызоветесь сделать так, чтобы этот отвратительный брак не состоялся, я уйду отсюда, как если бы услышал слово самого Господа Бога.

– Прикоснись к этой руке, на которую каждый день снисходит величие небес, – ответил монах, – и иди с уверенностью, что пока ты жив, а в донье Беатрис живы все эти чувства, она не перейдет ни в чьи руки, даже если бы это были руки самого короля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.